

ISSN: 3033-6872

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

INTERDISCIPLINARY
SCIENTIFIC
JOURNAL

№ 2 / 2025

<https://intscijournal.com/>

Главный редактор журнала:

Хилюта Вадим Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, юридический факультет, Гродно, Беларусь

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Акимжанов Талгат Курманович, доктор юридических наук, профессор, Университет «Туран», Алматы, Казахстан

Вейр Бриджит, доктор философии (Школа юстиции), Технологический университет Квинсленда, Брисбен, Австралия

Гумбатов Эльнур Акиф, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры ЮНЕСКО «Права человека и информационное право», Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

Дайшутов Михаил Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Есеналиев Аскат Ералиевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан

Крайнова Надежда Александровна, доктор юридических наук, кафедра уголовного права и процесса, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Ло Цзы-Ин, PhD (уголовное правосудие), Университет Сент-Джонс, Квинс, Нью-Йорк, США

Мелихов Александр Иванович, доктор юридических наук, факультет подготовки следователей, Волгоградская академия МВД РФ, Волгоград, Россия

Мещеряков Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Наумов Вячеслав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Никонов Павел Владимирович, доктор юридических наук, Иркутский юридический институт — филиал Университета прокуратуры РФ, Иркутск, Россия

Светличный Александр Алексеевич, доктор юридических наук, кафедра судебной экспертизы и таможенного дела, Тульский государственный университет, Тула, Россия

Сергеев Александр Леонидович, доктор юридических наук, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Соколова Елена Станиславовна, доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

Танимов Олег Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Тараборин Роман Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кафедра теории и истории государства и права, Екатеринбург, Россия.

Тейлор Майкл П., доктор наук по безопасности, защите и благополучию, Мемориальный университет Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада

Харрисон Карен, PhD, профессор права и уголовного правосудия, Университет Линкольна, Линкольн, Великобритания

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, Саратов, Россия

Эванс Салли М., кандидат на получение докторской степени, преподаватель судебной психологии, Институт здоровья населения Вольфсона, Лондонский университет королевы Марии, Лондон, Великобритания

Янь Ши, PhD in Criminal Justice, доцент Школы криминологии, Университет штата Аризона, Финикс, США

Ярмоц Елена, кандидат юридических наук, доцент, Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк, Беларусь

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул. Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: [https:// intscijournal.com/](https://intscijournal.com/)

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90283

ISSN: 3033-6872

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Interdisciplinary Scientific Journal, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием

соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Interdisciplinary Scientific Journal» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Interdisciplinary Scientific Journal» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Khilyuta Vadim Vladimirovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Criminal Law, Yanka Kupala State University of Grodno, Faculty of Law, Grodno, Belarus.

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Akimzhanov Talgat Kurmanovich, Doctor of Laws, Professor, Turan University, Almaty, Kazakhstan

Weir Bridget, PhD, School of Justice, Queensland University of Technology, Brisbane, Australia

Gumbatov Elnur Akif, PhD in Law, Lecturer, UNESCO Chair “Human Rights and Information Law”, Baku State University, Baku, Azerbaijan

Daishutov Mikhail Mikhaylovich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

Yesenaliev Askat Eralievich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

Kraynova Nadezhda Aleksandrovna, Doctor of Laws, Department of Criminal Law and Procedure, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Lo Tzu-Ying, PhD in Criminal Justice, St. John’s University, Queens, New York, USA

Melikhov Aleksandr Ivanovich, Doctor of Laws, Faculty of Investigator Training, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

Meshcheryakov Vladimir Alekseevich, Doctor of Laws, Professor, Department of Criminalistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Naumov Vyacheslav Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

Nikonov Pavel Vladimirovich, Doctor of Laws, Irkutsk Law Institute, Branch of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Svetlichny Aleksandr Alekseevich, Doctor of Laws, Department of Forensic Science and Customs Affairs, Tula State University, Tula, Russia

Sergeev Aleksandr Leonidovich, Doctor of Laws, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Sokolova Elena Stanislavovna, Doctor of Laws, Professor, Department of History of State and Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Tanimov Oleg Vladimirovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Taraborin Roman Sergeyevich, Doctor of Laws, Associate Professor, Head of the Department of Public Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of Theory and History of State and Law, Yekaterinburg, Russia.

Taylor Micheal P., Doctor of Safety, Security and Wellbeing, Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada

Harrison Karen, PhD, Professor of Law and Criminal Justice, University of Lincoln, Lincoln, UK

Shoshin Sergey Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Saratov National Research State University, Saratov, Russia

Evans Sally M., Doctoral Researcher and Lecturer in Forensic Psychology, Wolfson Institute of Population Health, Queen Mary University of London, London, UK

Yan Shi, PhD in Criminal Justice, Associate Professor, School of Criminology and Criminal Justice, Arizona State University, Phoenix, USA

Yarmots Elena, PhD in Law, Associate Professor, Polotsk State University, Polotsk, Belarus

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: [https:// intscijournal.com/](https://intscijournal.com/)

Media registration number: No. FS77-90283

ISSN: 3033-6872

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Interdisciplinary Scientific Journal, 2025 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

5.1.4. Criminal law Sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal " Interdisciplinary Scientific Journal " publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to " Interdisciplinary Scientific Journal " is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors 'point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки	8
Ся И. СООТНОШЕНИЕ КОДЕКСА И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	8
Роджерс М. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА В 1985-1991 ГГ.: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	21
Прихожая Л.Е. О ПРИЧИНАХ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	33
Примаков А.Н. СООТНОШЕНИЕ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ	44
Морган С. ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ».....	56
5.1.4. Уголовно-правовые науки.....	67
Иесуэ Л. ВОПРОСЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	67
Вестов Ф.А. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	78
Арчер Роберт Дж. Л. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ГРАЖДАН ПЕРЕД ЗАКОНОМ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА.....	92
Запико С.С. К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ И НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ УБИЙСТВА ПРИ НАЛИЧИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ	104
Девлеминк Д. АЛКОГОЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБОСТРЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ.....	115

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 340.13

СООТНОШЕНИЕ КОДЕКСА И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

**Ся Ивэй, Ph.D., Юго-западный университет финансов и экономики, Чэнду,
Сычуань, Китай, xuiwei_cd79@yandex.ru**

Аннотация

Кодекс и федеральный закон – понятия во многом совпадающие, но не в полной степени тождественные. Эта особенность анализируется в настоящей статье. Раскрывается содержание термина «закон» и его основные признаки как нормативного правового акта, а именно общеобязательность, верховенство, особая процедура принятия и пр. Затрагивается аспект иерархии источников законодательства на основе Конституции РФ и отмечается формальное отсутствие кодекса в числе видов нормативных правовых актов, перечисленных в ней. Особенности кодекса, как феномена теории государства и права рассматриваются на примере Уголовного, Уголовно-процессуального и Трудового кодексов РФ, с опорой на конкретные нормы, определяющие статус кодексов. Делается вывод о приоритетности кодекса постольку, поскольку это является результатом волеизъявления законодателя-автора кодекса. Случаи, когда приоритет признается за иным федеральным законом, обосновываются его специальным характером, что поддерживается и Конституционным Судом РФ, позиция которого тоже анализируется в статье. Несмотря на все отличия кодекса и федерального закона как правовых категорий, конечный вывод сводится к тому, что и один, и другой виды источников законодательства являются федеральными законами, что означает их юридическую равнозначность, особенность же кодекса определяется не его приоритетом, а его формой и

волеизъявлением законодателя, который в одних случаях придает приоритет кодексу, а в других – иному федеральному закону.

Ключевые слова: иерархия законодательных актов, кодекс, кодифицированный источник законодательства, нормативный правовой акт, федеральный закон, юридическая сила

Статья поступила в редакцию 25.06.2025, одобрена после рецензирования 14.08.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CODE AND THE FEDERAL LAW: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

**Yiwei Xia, Ph.D., Southwestern University of Finance and Economics, Chengdu,
Sichuan, China**

Abstract

The Code and the federal law are largely identical concepts, but not completely identical. This feature is analyzed in this article. The content of the term "law" and its main features as a normative legal act are revealed, namely, general obligation, supremacy, a special procedure for adoption, etc. The aspect of the hierarchy of sources of legislation based on the Constitution of the Russian Federation is touched upon and the formal absence of the code among the types of normative legal acts listed in it is noted. The specifics of the code, as a phenomenon of the theory of state and law, are considered on the example of the Criminal, Criminal Procedure and Labor Codes of the Russian Federation, based on specific norms defining the status of the codes. The conclusion is made about the priority of the code insofar as it is the result of the expression of the will of the legislator-the author of the code. Cases where priority is recognized by another federal law are justified by its special nature, which is supported by the Constitutional Court of the Russian Federation, whose position is also analyzed

in the article. Despite all the differences between the code and the federal law as legal categories, the final conclusion boils down to the fact that both types of sources of legislation are federal laws, which means their legal equivalence, while the peculiarity of the code is determined not by its priority, but by its form and expression of the will of the legislator, who in some cases gives priority to the code. and in others – a different federal law.

Keywords: hierarchy of legislative acts, code, codified source of legislation, regulatory legal act, federal law, legal force

Введение

Иерархия нормативных правовых актов (далее – НПА) может быть рассмотрена как на основе научно-теоретических источников, формирующих доктрину, так и на основе конкретных НПА, прежде всего, Конституции РФ [1], имеющей высшую юридическую силу и закрепляющую соответствующую иерархию источников законодательства. В рамках этой иерархии в качестве отдельного вида источника права (источника законодательства) выделяется федеральный закон (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ). Безусловно, это ключевой источник. И на него приходится подавляющее большинство законодательных актов федерального уровня.

В указанной иерархии федеральный закон уступает по юридической силе федеральному конституционному закону (ч. 3 ст. 76 Конституции РФ) и превосходит по юридической силе все прочие НПА, имеющие подзаконный характер, в том числе указы Президента (ч. 3 ст. 90 Конституции РФ).

В Конституции РФ среди источников законодательства не упоминаются кодексы, что закономерно, поскольку де-юре они имеют статус федеральных законов. Но вопрос о соотношении их с обычными федеральными законами, коих большинство, Конституция не регламентирует. Иные источники законодательства тоже однозначного ответа на вопрос об указанном соотношении не дают.

Основная часть

Если рассматривать термин «закон» именно в теоретическом аспекте, учитывая при этом нормы действующего российского законодательства, то его можно определить как НПА, имеющий верховенство среди прочих НПА (высшую юридическую силу), принимаемый в рамках особой процедуры и действующий в пределах всей территории государства, обеспечивающий правовое регулирование наиболее значимых аспектов жизни личности, общества, государства [6, с. 42].

В указанном определении с предложенном С.А. Воробьёвой, отражена не только формальная составляющая закона как источника права, но и ее авторские взгляды на сам феномен закона, которые представляют интерес для научного обсуждения в целях формирования более чёткого представления о законе.

Высшая юридическая сила закона является довольно условной характеристикой. С одной стороны, эта характеристика сомнению не подвергается, ведь именно закон составляет основу общественных отношений в государстве. И в этой связи совсем не случайно в юридическую терминологию уже давно были введены такие понятия, как «законность» и «верховенство закона». С этих позиций, безусловно, закон обладает высшей юридической силой, причём, если его рассматривать в общетеоретическом аспекте, то нет необходимости уточнять, о каком именно законе ведётся речь, особенно с учётом общеобязательности нормативных положений закона для каждого субъекта правоотношений.

Однако если учесть, например, нормы Конституции РФ, то становится очевидно, что не всякий закон обладает высшей юридической силой, а лишь сама Конституция. В то же время ч. 2 ст. 4 Конституции признает верховенство федеральных законов наряду с Конституцией, на территории всей страны.

Вопрос о регулировании наиболее важных отношений тоже спорен. Действительно, законы принимаются именно по тем вопросам, которые представляют наибольшую значимость. Однако это не означает, что все вопросы,

не урегулированные законом, но урегулированные на подзаконном уровне, являются менее значимыми.

Особый процедурный порядок тоже интересен с точки зрения признания в качестве отличия закона. Учитывая, что каждый закон принимается в рамках специальной процедуры и именно органами законодательной власти, не признать особый процедурный порядок важным качеством закона невозможно. Сказанное все же не означает, что другие нормативные правовые акты принимаются в рамках процедур, не имеющих особого характера. В конечном итоге и вопрос о том, что следует понимать под особым порядком, тоже не так однозначен. Особой можно считать процедуру, которая максимально усложнена и бюрократизирована; с другой стороны, особой можно считать и ту процедуру, которая максимально упрощена, с учётом специфики конкретной ситуации.

С.А. Воробьёва в числе качеств закона также отмечает приоритет прав человека [6, с. 42]. Данную особенность можно признать, но лишь если рассматривать закон именно в контексте законодательства конкретного государства и регулирования конкретной области правоотношений, с учётом качеств конкретного закона. В целом же говорить о том, что закон, как правовой феномен, сам по себе базируется на приоритете прав человека вряд ли возможно. Такая черта закона важна и де-юре, и де-факто; она желательна, более того, она обязательна. Но с точки зрения практики она не всегда воплощается. В конечном итоге и те НПА, которые соответствуют иным признакам закона, но не характеризуются признанием приоритета прав человека, являются законами. Поэтому закон как юридический акт и документ, нацеленный на регулирование общественных отношений, может и не учитывать приоритет прав человека.

Закон совершенно обоснованно выделяется в системе НПА именно на основе своего предмета правового регулирования, к который входят именно наиболее важные общественные отношения, о чем было сказано выше. Что же касается отношений, которые имеют меньшую значимость, то для их правовой регламентации, как правило, используются НПА подзаконного уровня [10, с. 13].

Менее значимые отношения нередко и вовсе остаются без должного правового регулирования, но сути закона этот аспект не меняет.

Понятие закона можно рассматривать и более абстрактно. Но в данном случае принципиально важна именно конкретизация, поэтому стоит подчеркнуть и наличие конкретного юридического статуса у закона, признаваемого именно государством в лице законодателя (статус федерального конституционного закона, статус федерального закона).

Смежной правовой категорией выступает кодекс. Его можно трактовать как НПА, характеризующийся систематизированностью и принимаемый органами законодательной власти в рамках их компетенции [9, с. 60].

Здесь основное внимание надлежит уделять именно вопросу систематизированности, что означает его нацеленность на более последовательную, более целостную, более детальную регламентацию отношений. Систематизированность, безусловно, в той или иной мере присуща любому НПА, как и кодифицированность, однако именно кодексу она характерна в большей мере.

Не приходится сомневаться в том, что именно кодифицированный законодательный акт в правовой системе государства занимает особую позицию, учитывая его характеристики в трех структурных плоскостях:

- иерархической;
- отраслевой;
- федеративной [9, с. 60].

Иерархическая характеристика кодифицированного акта означает, что он, как правило, имеет приоритет перед другими законодательными актами, регламентирующими аналогичные или смежные правоотношения.

Отраслевая специфика состоит в том, что, как правило, кодифицированный акт обеспечивает правовое регулирование не одного аспекта, а целого комплекса вопросов, объединённых именно в конкретную отрасль (подотрасль).

Федеративный аспект означает, что кодекс выступает ориентиром для всех субъектов федерации, если имеет место регулирование вопросов, находящихся в совместном ведении федерального центра и субъектов.

Обобщая изложенное, можно справедливо задаться вопросом о том, как именно надлежит решать вопрос о соотношении кодекса и закона, прежде всего федерального, с учётом положений Конституции и конкретных кодифицированных источников российского законодательства, в частности, Уголовного кодекса РФ [2] (далее – УК РФ), Уголовно-процессуального кодекса РФ [3] (далее – УПК РФ), Трудового кодекса РФ [4] (далее – ТК РФ).

В литературе на этот вопрос единого мнения не сложилось, учёными предлагаются разные взгляды. Первая группа авторов обосновывает взгляды, исходя из которых кодекс есть обычный федеральный закон, не имеющий какого-либо приоритета перед иными федеральными законами. Вторая группа авторов считает, что кодекс выступает источником, занимающим особое место в системе законодательства, находясь в промежуточной позиции между федеральным конституционным законом и федеральным законом. Третья группа авторов придерживается мнения о том, что кодекс имеет приоритет перед другими федеральными законами, при этом сам являясь федеральным законом; приоритет же определяется исходя из практики и самой позиции законодателя [9, с. 61].

Теперь обратимся к нормам Конституции РФ, дающим некоторое общее понимание соотношения кодекса и федерального закона (хотя о кодексах в ней не упоминается). Отмечаемое в ч. 2 ст. 4 Конституции её верховенство, наряду с федеральными законами, очевидно, стоит трактовать широко и комплексно. То есть Конституция, как и федеральные законы, в целом имеют верховенство, а не при их сравнении друг с другом. Думается, что и федеральные конституционные законы данной нормой тоже охватываются. В этом смысле федеральный закон и федеральный конституционный закон условно совпадают друг с другом: и один, и второй – де-юре имеют статус федеральных.

Вместе с тем, ч. 3 ст. 76 Конституции РФ закрепляет приоритет федеральных конституционных законов перед федеральными законами. Это означает, что в целом законы, принимаемые на федеральном уровне, которые в комплексе могут рассматриваться как единый феномен, при взаимодействии друг с другом находятся в определённой иерархии. В этой связи федеральные конституционные законы, согласно ч. 1 ст. 108 Конституции, обеспечивают регламентацию наиболее значимых аспектов общественной и государственной жизни, круг которых определяется именно в Конституции. Иные НПА, имеющие подзаконный характер, уступают в юридической силе и федеральным законам, и федеральным конституционным законам, исходя из ст. 90 Конституции.

Официальные взгляды на вопрос соотношения кодекса и федерального закона были уточнены Конституционным Судом РФ (далее – КС РФ) в Постановлении от 14.05.2015 № 9-П, где изложено «правило о том, что в случае коллизии между законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регламентации соответствующих правоотношений» [5]. То есть важно не столько наличие статуса кодекса, сколько предмет регулирования. И кодифицированные источники зачастую имеют приоритет именно ввиду наличия у них специального предназначения, а не в силу кодифицированности, как можно было бы полагать.

Тем не менее, в литературе кодексы принято рассматривать именно исходя из приоритета в силу самого фактора кодификации. Более того, зачастую, характеризуя особую роль кодексов, учитывают и объём представленного в них нормативного материала. Так, А.В. Кузьмин, рассматривая данную проблематику в контексте гражданского законодательства, кодекс характеризует именно как ядро системы НПА в контексте конкретной сферы регулирования, отмечая также его системообразующую роль [7, с. 115–116]. С такой оценкой сложно не согласиться.

Нельзя не заметить и такой особенности, как наличие многочисленных случаев дублирования норм кодексов в нормах федеральных законов и наоборот. В таком случае крайне сложно сказать о том, какой же именно источник имеет приоритет. Однако нет сомнений в том, что законы, содержащие специальные нормы, имеют приоритет, по крайней мере не в целом, а в части отдельных норм [7, с. 119].

Нельзя не признать, что многие кодифицированные источники российского законодательства имеют приоритет постольку, поскольку он закрепляется них сами, а позиция законодателя не может игнорироваться. Однако наличие приоритета у кодифицированного источника не означает вовсе, что в рамках правоприменительной практики или в рамках научного дискурса не может быть поставлен вопрос о коллизиях между кодексом и иным федеральным законом [8, с. 222].

Анализируя проблему соотношения кодекса с иными федеральными законами, Н.Н. Лукашева обращается к положениям ТК РФ, который принято признавать приоритетным источником законодательства, обеспечивающим регламентацию именно трудовых отношений, согласно ст. 5. Однако, этот приоритет в отдельных нормах ТК РФ отрицается, например, в случаях катастроф, согласно ст. 252. Также и в отношениях с участием государственных служащих ТК РФ ограничен: согласно ст. 11, в таких случаях надлежит учитывать первоочередном порядке законодательство о соответствующей службе и статусе служащих. С учётом таких особенностей Н.Н. Лукашева приходит к выводу, что в конечном счёте приоритет имеет именно федеральный закон, а не ТК РФ [8, с. 226–227]. Это в полной мере соответствует позиции КС РФ, отдающего приоритет источнику законодательства, содержащему специальные нормы.

Совершенно иной подход усматривается в рамках регулирования уголовной ответственности. УК РФ в ст. 1 провозглашает именно его де-юре единственным источником уголовного законодательства. Соответственно, иные

кодексы и прочие иные федеральные законы в регулировании вопросов уголовной ответственности каких-либо приоритетов не имеют. Но учитывая, что во многих случаях и правоприменитель обращается к иным федеральным законам, наличие в них норм, значимых для решения вопроса об уголовной ответственности, не должно ставиться под сомнение. Это тот случай, когда кодекс имеет однозначный приоритет перед иными федеральными законами именно в силу прямого указания в нём, и речь идёт не только о приоритете, но и о полном отрицании роли иных федеральных законов, с чем, конечно же, согласиться невозможно.

Многие нормы УК РФ предусматривают ответственность за нарушение конкретного законодательства, представленного, соответственно, иными федеральными законами. Если же предположить, что федеральный закон, рассматриваемый как «иной», будет признан утратившим силу, то и отдельные нормы УК РФ утратят всякое юридическое значение.

Стоит сказать, что в рамках российской правовой системы не все кодексы имеют форму федеральных законов; существуют, в частности, различные этические кодексы, но они имеют статус подзаконных НПА, а потому вопрос о соотношении федеральных законов с ними в данной статье не ставится.

Заключение

В теории государства права и иных отраслях юридической науки представлены разные взгляды на соотношение кодекса и федерального закона. Но какими бы ни были взгляды, нельзя отрицать наличие у кодекса статуса федерального закона, который отчасти уравнивает его с иными федеральными законами в большинстве ситуаций. Но безусловный приоритет кодекса – явление исключительное, свойственное, пожалуй, только УК РФ.

Исходя из этого, кодекс надлежит рассматривать как источник законодательства, носящий особый характер не ввиду большей юридической силы, а ввиду наличия особой формы и содержания. Приоритетный статус кодекса обуславливается не столько самим фактом кодификации, сколько

конкретным волеизъявлением законодателя, который в одних случаях придает приоритет кодексу, а в других – иному федеральному закону.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № I, (ч. I). Ст. 3.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Воробьева С.А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 225 с.
7. Кузьмин А.В. Нормативные правовые акты как источники договорного права: федеральный уровень // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 4. С. 114–120.
8. Лукашева Н.Н. Кодифицированные законодательные акты в системе федеральных законов Российской Федерации // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 3. С. 218–228.

9. Матюнин М.Ф. Акты кодификации законодательства в системе законодательных актов // Научный Татарстан. 2009. № 3. С. 59–63.
10. Тихомиров Ю.А., Бошно С.В. Теория закона: общие закономерности и новые подходы // Право и современные государства. 2018. № 1. С. 9–17.
11. Щелконогова Е.В. Система источников уголовного права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 170–174.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993; s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 52 (I ch.). St. 4921.
4. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № I, (ch. I). St. 3.
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.05.2015 № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 5 stat`i 11 Zakona Rossijskoj Federacii O statuse sudej v Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Prezidiuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Vorob`eva S.A. Kachestvo zakona i ego rol` v obespechenii prav cheloveka (teoretiko-pravovoj aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2014. 225 s.
7. Kuz`min A.V. Normativny`e pravovy`e akty` kak istochniki dogovornogo prava: federal`ny`j uroven` // Zhurnal pravovy`x i e`konomicheskix issledovanij. 2022. № 4. S. 114–120.
8. Lukasheva N.N. Kodificirovanny`e zakonodatel`ny`e akty` v sisteme federal`ny`x zakonov Rossijskoj Federacii // Ucheny`e zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. 2017. T. 3 (69). № 3. S. 218–228.

9. Matyunin M.F. Akty` kodifikacii zakonodatel`stva v sisteme zakonodatel`ny`x aktov // Nauchny`j Tatarstan. 2009. № 3. S. 59–63.
10. Tixomirov Yu.A., Boshno S.V. Teoriya zakona: obshhie zakonomernosti i novy`e podxody` // Pravo i sovremenny`e gosudarstva. 2018. № 1. S. 9–17.
11. Shhelkonogova E.V. Sistema istochnikov ugolovnogo prava // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2. S. 170–174.

Научная статья

УДК 338.242, 340.158

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА В 1985-1991 ГГ.: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Роджерс Маркус, Ph.D., доцент, Университет Пердью в Западном Лафайете, tcarneysyd74@gmail.com

Аннотация

Главная задача статьи – осмыслить отечественный опыт развития рыночной экономики в условиях социалистического правопорядка в период с 1985 по 1991 гг. именно в правовом аспекте. В основе статьи лежит изучение конституционных положений о Советском государстве и праве, закреплённых в Конституции СССР 1977 г. и их соотнесение с теми правовыми реалиями, которые определяли развитие рынка в годы перестройки. На основе Конституции отмечаются некоторые принципиально значимые особенности, присущие социалистическому правопорядку, в том числе в области экономики. Учтены разные позиции, исходя из чего даётся правовая оценка событий указанного периода, в том числе с точки зрения признания факта зарождения рыночной экономики в СССР. Критически оценены позиции, отрицающие становление рыночной экономики в СССР и поддержана позиция, признающая факт её развития. Взгляды аргументированы в том числе фактами о зарождении коммерческой банковской системы, формальной и фактической поддержке предпринимательства, трансформации собственности из государственной в частную и пр. На основе этого делаются выводы о принципиальной возможности развития рыночной экономики в условиях социалистического правопорядка и отрицается идея принципиальной несовместимости рыночных институтов с формально социалистической правовой системой. Безуспешность попыток сформировать рынок при сохранении СССР автор не считает поводом для отрицания совместимости рынка с социалистическими правовыми реалиями.

Ключевые слова: капитализм, перестройка, рыночная экономика, социализм социалистический правопорядок

Статья поступила в редакцию 14.07.2025, одобрена после рецензирования 24.09.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

DOMESTIC EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF A MARKET ECONOMY UNDER THE CONDITIONS OF SOCIALIST RULE OF LAW IN 1985-1991: A LEGAL ASPECT

Rogers Marcus, Ph.D., Associate Professor, Purdue University in West Lafayette

Abstract

The main objective of the article is to comprehend the domestic experience of the development of a market economy in the conditions of the socialist rule of law in the period from 1985 to 1991 in the legal aspect. The article is based on the study of the constitutional provisions on the Soviet state and law, enshrined in the 1977 Constitution of the USSR, and their correlation with the legal realities that determined the development of the market during the years of perestroika. On the basis of the Constitution, some fundamentally significant features inherent in the socialist legal order are noted, including in the field of economics. Different positions are taken into account, based on which a legal assessment of the events of the specified period is given, including from the point of view of recognizing the fact of the emergence of a market economy in the USSR. The positions that deny the formation of a market economy in the USSR are critically evaluated and the position that recognizes the fact of its development is supported. The views are substantiated, among other things, by the facts about the emergence of the commercial banking system, formal and actual support for entrepreneurship, the transformation of property from state to private, etc. Based on this, conclusions are drawn about the fundamental possibility of developing

a market economy in a socialist legal order and the idea of the fundamental incompatibility of market institutions with a formally socialist legal system is rejected. The author does not consider the failure of attempts to form a market while preserving the USSR to be a reason to deny the compatibility of the market with socialist legal realities.

Keywords: capitalism, perestroika, market economy, socialism, socialist rule of law

Введение

Продолжавшийся с 1917 по 1991 гг. период отечественной истории, именуемый советским, в целом справедливо рассматривают как эпоху социалистического государства, которому чужды принципы рыночной экономики с ее свободой и предпринимательством, особо охраной и поощрением институтов частной собственности, в том числе на средства производства. Однако это лишь общий взгляд, имеющий мало общего с последними годами существования Советского государства, когда идеи рыночной экономики отчасти стали воплощаться, причём именно в условиях социалистического правопорядка.

В научной литературе указанный период, длившийся с 1985 по 1991 гг., обычно принято рассматривать сугубо в контексте исторического развития, политических преобразований и экономики. Правовой же аспект затрагивается нечасто, хотя именно преобразования правового характера можно считать ключевыми для указанного периода, и в данном исследовании рассматриваются именно они.

Основная часть

Говоря о социалистическом правопорядке как в целом, так и относительно периода перестройки, нужно в первую очередь рассмотреть конституционные положения, которые формировали данный правопорядок. Они были представлены в Конституции СССР 1977 г. [1]. Признавая значимость каждой

статьи данной Конституции, считаем возможным выделить лишь некоторые её нормы, которые наиболее ярко отражали этот социалистический правопорядок.

Прежде всего, сказать стоит о ст. 1 Конституции, где декларировалось, что государство является именно социалистическим. Отмечая социалистический характер государства, тем не менее, в преамбуле данного документа имелась отсылка к идеям научного коммунизма и революционным традициям как более радикальным и принципиальным ориентирам, отчасти отличным от социалистических. В целом сказанное даёт представление о том, каким именно государство было если не де-факто, то, по крайней мере, де-юре.

Экономическая система в рассматриваемой Конституции описывалась тоже исходя из социалистических идей. При этом в первоначальной редакции рассматриваемой Конституции декларировался приоритет именно социалистической собственности (ст. 10), в то время как последующие редакции, в частности, редакция 1990 г., о социалистической собственности уже не упоминала, отмечая при этом разнообразие форм собственности и обеспечение их равной защиты.

Нельзя, однако, не отметить, что и в первоначальной редакции рассматриваемой Конституции, и в последующих редакциях имело место неоднократное упоминание о кооперативах и кооперативной собственности, что уже отчасти закладывало идеи, допускавшие возможность осуществления предпринимательской деятельности.

Принципиально важным было и положение, декларировавшее взгляды на труд, исходя из которого главный принцип социализма был сформулирован следующим образом: «от каждого – по способностям, каждому – по труду». Данное положение, как ни странно, сохранилось неизменным и в вплоть до момента отмены указанной Конституции.

Изложенное в целом отражает вполне конкретную специфику социалистического правопорядка, где не упоминалось о рыночной экономике.

Важной составляющей социалистического правопорядка были и некоторые экономические принципы, а именно руководство экономикой на основе государственных планов, что тоже декларировалось к Конституции СССР 1977 г.

Здесь стоит признать, что уже в то время социалистические идеи были гораздо менее радикальными, нежели в первые годы Советского государства, а потому были определённые и правовые предпосылки для зарождения некоторых рыночных механизмов.

Более того, и определённое теоретическое подкрепление идей внедрения рыночных механизмов в условиях социалистического порядка тоже имело место быть. Здесь уместно сказать о так называемых теориях рыночного социализма [2, с. 128], роль которых нельзя отрицать, несмотря на их спорность.

Вообще изначально вопрос о роли рынка применительно к социалистическому правопорядку ставился уже в годы новой экономической политики (НЭП). Однако какой-либо системы взглядов в то время сформировано не было именно применительно к проблематике рынка. Более того, попытки развить такие идеи были прерваны внедрением практики пятилетнего планирования (введение пятилеток). Тем не менее, некоторые попытки осмысления рыночных идей применительно к социалистическим реалиям периодически предпринимались практически на протяжении всей истории Советского государства [2, с. 128]. Хотя в целом реализация идеи внедрения рыночных инструментов не рассматривалась в положительном аспекте, говорить о полном отсутствии теоретического обоснования нельзя.

А не стоит считать, что внедрение элементов рыночной экономики в условиях социалистического правопорядка было изначально хорошо спланированной системой мер. Напротив, во многом это был результат сложившейся трудной ситуации, как своего рода вынужденная мера. А об этом дают возможность судить те характеристики состояния советского права и

экономики, которые даются в научной литературе, прежде всего современной, во многом лишённой каких-либо идеологических предрассудков.

Например, В.В. Гошуляк пишет: «С середины 80-х гг. XX в. Советский Союз постепенно стал втягиваться в глубокий системный кризис, связанный в основном с отношениями собственности и превалированием социалистической общенародной собственности, строящейся на постулатах марксизма-ленинизма» [3, с. 73].

В данном случае нет цели рассматривать конкретные причины, обусловившие кризис, однако сам факт наступления кризиса сомнений не вызывает, и в этой связи именно рыночные механизмы стали теми инструментами, посредством которых руководство страны пыталось преодолеть кризисные явления. То есть рыночные институты рассматривались не как самоцель, а как средство борьбы с кризисом.

Очевидно, что такие инструменты не в полной мере соответствовали социалистической идеологии, однако руководству приходилось с данным фактом мириться, ориентируясь на цели и ожидаемые результаты, а не на саму идеологическую форму.

Экономические преобразования 2-й пол. 1980-х гг. принято связывать с именем М.С. Горбачёва, пытавшегося усилить темпы экономического роста на основе декларировавшихся принципов социализма и марксистско-ленинской идеи, но с учетом изменившихся реалий. При этом в планы входило ориентироваться на опыт 1-й пол. 1920-х гг. Тоже при этом особый акцент в рамках преобразований, которые были объявлены на XXVII съезде КПСС, делался на широкое использование товарно-денежных отношений, усиление личной заинтересованности в результатах труда [3, с. 73].

Важнейшая идея состояла в том, что государство в меньшей мере обещало вмешиваться в экономические отношения, соответственно, способствуя внедрение рыночных институтов [3, с. 74].

Такого рода преобразования были во многом фрагментарными, ведь, внедряя, по сути, капиталистические идеи, страна оставалась в русле социалистическом.

Уместно сказать и о том, что системных законодательных преобразований не было. Они во многом были половинчатыми. Тем не менее, некоторые нормативные правовые акты оказали весьма существенное влияние на ход перестройки. Например, в 1988 г. вступил в силу Закон о государственном предприятии, который, между тем, был ориентирован на усиление именно негосударственного сектора экономики. Примечательно, что в нём не признавалась частная собственность, однако говорилось о собственности трудовых коллективов, которые и управляли производством. Было внедрено и понятие «государственный заказ», который касался как негосударственных, так и совместных предприятий [3, с. 75].

Весьма существенные стимулы в годы перестройки были созданы для кооперативного движения [3, с. 76], преимущественно, благодаря принятию Закона о кооперации в СССР в 1988 г. [5, с. 12], что во многом определяло развитие рынка.

Между тем, в науке не сложилось общепринятого мнения о том, формировались ли основы рыночной экономики в до 1991 г. По взглядам на этот вопрос все учёные условно делятся на три группы. Представители первой группы полагают, что рыночная экономика начала формироваться уже после разрушения СССР де-факто; период же перестройки они рассматривают в качестве эпохи, когда просто проводились эксперименты, причём с попытками сохранения социализма. Другая группа исследователей, полагает, что де-факто рыночная экономика стала формироваться уже после распада СССР, однако де-юре её основы были сформированы именно в годы перестройки. Наконец, третья группа учёных полагает, что именно в эпоху перестройки стала формироваться рыночная экономика; причём особую роль в этом они усматривают за Законом об индивидуальной трудовой деятельности [5, с. 3]. Каждая позиция видится

обоснованной, однако более убедительной считаем все же мнение тех, которые считают, что рыночная экономика стала формироваться именно в годы перестройки, то есть с уже с 1985 г.

Представляется весьма убедительным мнение о том, что с 1986 по 1990 гг. переход к рынку носил во многом латентный характер, в том числе и ввиду формального сохранения социалистической идеологии; в 1990–1991 гг. переход к рынку принял уже открытый характер, когда официально власти СССР его декларировали и проводили явную политику по разгосударствлению экономики, приватизации, реформированию земельной сферы правоотношений, расширению свободы предпринимательства, стимулированию конкуренции, переходу к свободному ценообразованию и пр. [5, с. 11–12].

Условно периодизацию можно представить и в ином виде, но именно выделение латентного и открытого этапов наиболее ярко отражает специфику формирования рынка в условиях социалистического правопорядка: латентность во многом была обусловлена попытками сохранить социалистическую идеологию, по крайней мере формально.

Весьма характерной особенностью советского опыта развития рынка в условиях социалистической парадигмы была разработка всех фундаментальных проектов нормативных актов под социалистическими лозунгами [5, с. 11–12]. В дальнейшем же социалистическая направленность либо нивелировалась, либо вовсе отрицалось.

Представляется особо важным обратить внимание на формирование уже в советский период банковской системы рыночного типа, то есть с коммерческими банками [5, с. 13]. Подтверждая это, отметим, что 24 августа 1988 г. в СССР был зарегистрирован первый коммерческий банк; в РСФСР первый коммерческий банк появился тремя днями позднее, а к концу 1988 г. в РСФСР деятельность вели уже 25 коммерческих банков. Позднее государственные специализированные банки были переведены на самофинансирование и хозрасчёт [5, с. 643]. Эти факты являются весьма убедительными

подтверждениями того, что и де-юре, и де-факто рыночная система хозяйствования формировалась именно в последние годы существования Советского Союза.

В 1990–1991 гг. был коренным образом пересмотрен подход к регулированию собственных отношений, в результате чего единоличная собственность стала занимать приоритетное место в сравнении с собственностью коллективной. В это же время и предпринимательская деятельность была в полной мере признана, что сопровождалось соответствующим юридическим закреплением [5, с. 13].

Вместе с тем, взгляды тех, кто считает, что становление рыночной экономики началось после распада СССР, нельзя рассматривать как бесосновательные. Обоснованность таких взглядов становится более очевидной, если обратиться, например, к опыту союзных республик. Законодательство отдельных республик прямо предусматривало переход к рыночной экономике, в то время как законодательство других республик такой переход регламентировало опосредованно, в частности, путём легализации многообразия форм собственности. Отдельные республики признавать рыночные отношения отказывались [4, с. 29].

М.Ф. Польшов М.Ф и Е.А. Тарасова отмечают, что с 1989 г. разработка новой экономической политики перешла в разряд важнейших государственных задач, и именно тогда открыто провозглашали программу формирования регулируемой рыночной экономики [6, с. 113–114]. В данном случае нет необходимости перечислять элементы рыночной экономики, которые намеревались сформировать и развивать далее. Само провозглашение идей уже о многом говорит.

Конечно же, политика перехода к рынку сопровождалась весьма серьёзными кризисными явлениями и жёсткой политической борьбой [6, с. 122], однако на этих моментах нет необходимости концентрироваться, поскольку политическая составляющая не представляет исследовательского интереса.

Вместе с тем, согласимся с А.Б. Семенко в том, что идеи планово-рыночной экономики и регулирования рынка именно в годы перестройки получили официальное обоснование, хотя оказались нежизнеспособными [7, с. 8]. Изложенное не означает, что реализация идей построения рыночной экономики невозможна в принципе в условиях социалистического правопорядка.

Стоит сказать, что процесс развития рыночной экономики в годы перестройки характеризовался наличием существенных противоречий [7, с. 11]. Причин таких противоречий было много. Но вопрос их рассмотрения является скорее экономическим и политическим, нежели юридическим, а потому к нему обращаться не представляется необходимым.

Заключение

Отечественный опыт 2-й пол. 1980-х гг. показал, что развитие рынка является возможным даже в условиях социалистического правопорядка, а потому сам рынок нельзя рассматривать как феномен, присущий исключительно капиталистической экономике и правопорядку, отличному от социалистического. Одновременно с этим, советский опыт продемонстрировал и некоторую условность понятия «социализм», если говорить именно о его практическом воплощении, ведь де-юре социалистический правопорядок может вполне допускать развитие определённых институтов, которые принято относить к институтам, присущим капиталистическому правопорядку.

Можно сделать и вывод о возможности соединения в правовых условиях одного государства как капиталистических, так и социалистических институтов экономики.

Признавая, что внедрение рыночных институтов в условиях социалистического правопорядка повлекло массу негативных последствий, не считаем в возможном признавать принципиальную несовместимость рыночных институтов в условиях социалистической правовой системы.

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) – утратила силу // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гловели Г.Д. Рыночного социализма теории // Большая российская энциклопедия. Том 29. М., 2015. С. 128.
3. Гошуляк В.В. Эволюция экономических основ конституционного строя СССР в период перехода от социализма к капитализму. 1985–1991 гг. // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 4. С. 72–80.
4. Лукашевич Д.А. Конституционно-правовое оформление перехода СССР к рыночной экономике // Вестник Московского университета МВД России. 2001. №. 2. С. 24–30.
5. Лукашевич Д.А. Правовое регулирование процесса формирования рыночной экономики в СССР в 1985-1991 гг. : автореф. дис. ... док. юрид. наук. М., 2022. 40 с.
6. Польшов М.Ф., Тарасова Е.А. Переход к рыночной экономике в СССР в годы перестройки: борьба за создание концепции. 1989-1991 гг. // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 113–127.
7. Семенко А.Б. Организационно-правовые основы преобразований плановой экономики советского государства в период «перестройки» (1985-1991 гг.): автор. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 26 с.
8. Яник А.А. История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). М.: Фонд современной истории; Изд-во Мос. ун-та, 2012. 760 с.

References

1. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskix Socialisticheskix Respublik (prinyata VS SSSR 07.10.1977) – utratila silu // SPS «Konsul`tantPlyus».

2. Gloveli G.D. Ry`nochnogo socializma teorii // Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya. Tom 29. M., 2015. S. 128.
3. Goshulyak V.V. E`volyuciya e`konomicheskix osnov konstitucionnogo stroya SSSR v period perexoda ot socializma k kapitalizmu. 1985–1991 gg. // E`lektronny`j nauchny`j zhurnal «Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo». 2021. T. 9, № 4. S. 72–80.
4. Lukashevich D.A. Konstitucionno-pravovoe oformlenie perexoda SSSR k ry`nochnoj e`konomie // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2001. №. 2. S. 24–30.
5. Lukashevich D.A. Pravovoe regulirovanie processa formirovaniya ry`nochnoj e`konomie v SSSR v 1985-1991 gg. : avtoref. dis. ... dok. jurid. nauk. M., 2022. 40 s.
6. Poly`nov M.F., Tarasova E.A. Perexod k ry`nochnoj e`konomie v SSSR v gody` perestrojki: bor`ba za sozdanie koncepcii. 1989-1991 gg. // Novejshaya istoriya Rossii. 2017. № 1 (18). S. 113–127.
7. Semenko A.B. Organizacionno-pravovy`e osnovy` preobrazovanij planovoj e`konomie sovetskogo gosudarstva v period «perestrojki» (1985-1991 gg.): avtor. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2012. 26 s.
8. Yanik A.A. Istoriya sovremennoj Rossii: Istoki i uroki poslednej rossijskoj modernizacii (1985–1999). M.: Fond sovremennoj istorii; Izd-vo Mos. un-ta, 2012. 760 s.

Научная статья

УДК 340

О ПРИЧИНАХ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Прихожая Людмила Евгеньевна, к.ю.н., старший научный сотрудник федерального казённого учреждения "Научно-исследовательский институт федеральной службы исполнения наказаний", andkalyashinvl@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются причины правового нигилизма в молодежной среде в условиях современного правового государства. В рамках исследования в первую очередь уточняется понятие «молодёжь» и подчёркивается размытость возрастных рамок данной категории населения, исходя из действующего законодательства. Затрагиваются разные подходы к трактовке понятия правового нигилизма, встречающиеся в современной научной литературе, с учетом отсутствия законодательно закреплённого определения нигилизма. Анализируются документы стратегического планирования, отражающие состояние рассматриваемой проблемы как в целом, так и применительно к молодёжной среде. Отмечается крайняя негативность данного явления при его вполне естественном характере для современного правового государства, и важность преодоления. Предпринимаются попытки обобщённо осмыслить существующие социально-экономические, правовые и некоторые иные факторы, которые прямо или косвенно способствуют формированию нигилистических взглядов на закон, государство и связанные с ними институты у представителей современной молодёжи. В статье также отражается объективный характер предпосылок правового нигилизма. Обосновывается важность преодоления данной проблемы и излагаются авторские взгляды на вопросы правового нигилизма и устранение способствующих ему причин в молодёжной среде.

Ключевые слова: законность, молодежь, правовое государство, правовой нигилизм, правопорядок, правосознание, причины правового нигилизма

Статья поступила в редакцию 06.06.2025, одобрена после рецензирования 16.08.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

ON THE CAUSES OF LEGAL NIHILISM AMONG YOUNG PEOPLE IN A RULE-OF-LAW STATE

**Prikhozhaya Lyudmila Evgenyevna, Candidate of Law, Senior Researcher,
Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary
Service"**

Abstract

The article examines the causes of legal nihilism among young people in a modern rule-of-law state. The study primarily clarifies the concept of "youth" and highlights the blurred age range of this category of the population, based on current legislation. The article touches upon different approaches to the interpretation of the concept of legal nihilism found in modern scientific literature, taking into account the lack of a legally fixed definition of nihilism. The strategic planning documents are analyzed, reflecting the state of the problem under consideration both in general and in relation to the youth environment. The extreme negativity of this phenomenon is noted, given its quite natural nature for a modern rule-of-law state, and the importance of overcoming it. Attempts are being made to generalize the existing socio-economic, legal and some other factors that directly or indirectly contribute to the formation of nihilistic views on the law, the state and related institutions among representatives of modern youth. The article also reflects the objective nature of the prerequisites of legal nihilism. The importance of overcoming this problem is substantiated and the author's views on the issues of legal nihilism and the elimination of the causes contributing to it in the youth environment are presented.

Keywords: legality, youth, rule of law, legal nihilism, law and order, legal awareness, causes of legal nihilism

Введение

Правовой нигилизм для некоторой части общества даже в условиях современного правового государства, где чтятся права и свободы человека и гражданина, созданы все необходимые инструменты для их государственной защиты, можно считать явлением вполне естественным, хотя и крайне негативным. Его преодоление – важнейшая задача государства и одновременно – проблема государства. Это означает и необходимость изучения конкретных причин, порождающих правовой нигилизм. Этим обосновывается актуальность рассматриваемой темы.

Основная часть

В рамках изучения проблемы нигилизма применительно к молодёжной среде в первую очередь необходимо уточнить круг субъектов, формирующих эту среду. И данная задача представляется чрезвычайно сложной, поскольку понятие «молодёжь» и в рамках науки, в рамках законодательства определяется чрезмерно широко, во многом даже абстрактно. Чтобы это понять, достаточно лишь обратиться к п. 1 ст. 2 Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О молодёжной политике в Российской Федерации» [1], согласно которому, молодёжь представляет собой социально-демографическую группу лиц, возраст которых находится в пределах от 14 до 35 лет включительно.

Примечательно, что та же статья предусматривает возможность установления и иного предельного возраста для отнесения лица к категории молодёжи, причём этот возраст должен быть не менее 35 лет включительно. То есть де-юре в категорию молодёжи входит достаточно широкий круг субъектов, одни из которых являются несовершеннолетними, детьми, другие же - вполне зрелыми личностями, являющимися в полной мере самостоятельными, достигшими определённых высот, в том числе в карьере.

В исследовательских целях, конечно, эти рамки могут и сужаться, в том числе условно из категории молодёжи могут быть исключены несовершеннолетние лица. Но в любом случае данным термином может быть обозначена наиболее активная часть населения.

Если говорить применительно к современным реалиям, то понятием «молодёжь» охвачена практически вся часть населения, которая была воспитана в постсоветский период отечественной истории. Это именно то поколение, которое не застало советского времени и не переняло соответствующих советских ценностей. В этом смысле рассматриваемая категория, несмотря на разнообразие, представляет особый интерес для изучения проявлений правового нигилизма.

Сам феномен правового нигилизма вне зависимости от рассматриваемой категории населения, трактуется по-разному. И в этой связи существует множество подходов, изложенных в литературе, причём не только правовой, но и философской. Поэтому крайне важно подчеркнуть многогранный, междисциплинарный характер данного феномена, его социальность.

В целом же сущность правового нигилизма состоит в том, что он отражает деформированное состояние правосознания и характеризуется полным либо частичным отрицанием ценности права, пренебрежительным отношением к праву, что в конечном итоге проецируется и на юридически значимое поведение, оказывая на него исключительно деструктивное влияние [7, с. 9].

С другой стороны, можно усмотреть и некоторые элементы конструктивного влияния правового нигилизма. В частности, проявление нигилизма и изучение данной проблемы даёт понимание тех недостатков, которые содержит в себе законодательство. А это порождает определённый стимул для его совершенствования. Хотя такая конструктивная составляющая является весьма условной.

Многообразие проявлений нигилизма позволяет рассматривать его в разных ракурсах. Так, Т.В. Рехачева выделяет нигилизм, исходящий от народа,

именуя его правовым нигилизмом, а также нигилизм, исходящий от органов публичной власти, именуя его конституционным. И во многом последний является предпосылкой для формирования первого [8, с. 29].

Г. Хамитова, характеризуя суть правового нигилизма, подчёркивает его выражение в отрицании права именно как социального блага. Более того, такое отрицание выражается в неуважении не только к праву, но и к правосудию, в нарушении правовых предписаний и запретов, что в конечном итоге приносит вред государству, обществу и отдельным гражданам. В целом же нигилизм отражает отчуждение от существующей правовой системы. Конкретным проявлением правового нигилизма она называет неуважительное отношение к деятельности органов власти и правоохранительным органам [10, с 79].

Изложенное в целом вполне понятно отражает суть правового нигилизма. Однако не приходится говорить о том, что данное понятие получило юридическое закрепление, а потому рамки данного феномена остаются крайне размытыми. Тем не менее, невозможно не признать, что сам нигилизм может проявляться по-разному, как в форме правомерных действий (бездействия), так и в форме неправомерных действий (бездействия), признаваемых, например, административными правонарушениями или уголовно наказуемыми деяниями.

Проблема правового нигилизма, в том числе в молодёжной среде, не могла остаться без внимания органов власти, в связи с чем о ней упоминается в ряде документов стратегического планирования, прежде всего в Стратегии реализации молодежной политики на период до 2030 г.[2], где отражен ряд весьма серьезных проблем, присутствующих в сфере молодёжной политики, обуславливающих явление правового нигилизма. В первую очередь, в указанной Стратегии обращается внимание на наличие двух барьеров, носящих социально-экономический характер. Первый из них касается финансовых и жилищных условий содержания семьи, второй - совмещения работы и воспитания детей. Очевидно, что в непростых жизненных условиях, характеризующихся финансовыми, жилищными, семейными, профессиональными трудностями,

складываются и определённые предпосылки для формирования нигилистического отношения к государству и существующей в нём правовой системе.

В указанном документе также обозначается проблема правонарушений, совершаемых молодыми гражданами. На лиц в возрасте от 14 до 29 лет приходится около 30% всех преступных деяний. В этой связи не представляется возможным адекватно соотнести долю преступлений, совершаемых молодёжью, с долей преступлений, совершаемых иными категориями граждан, в том числе и ввиду неоднородности молодёжной среды [2].

Нельзя не обратить внимание на то, что в последние годы имеет место тенденция возрастания количества несовершеннолетних граждан, являющихся потерпевшими от преступлений, что тоже отмечено в рассматриваемой Стратегии. Очевидно, что данный фактор не может не влиять на формирование нигилистического отношения к праву, ведь если в отношении индивида совершаются преступные деяния, то доверие государству, правоохранительной системе и правосудию подрывается.

В целом в рассматриваемой Стратегии выделен достаточно широкий спектр вопросов, носящих комплексный характер, осложняющих жизнь молодёжи и влияющих на формирование нигилистического отношения к праву:

- вопросы ценностно-идеологического характера;
- вопросы демографического характера;
- вопросы социального характера;
- вопросы экономического характера;
- вопросы, связанные с государственной и общественной безопасностью;
- вопросы молодежного участия и молодежного самоуправления [2].

В рамках перечисленных вопросов особо выделяются:

- недостаток мер по социальной реинтеграции молодежи из группы риска, в том числе молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации;

- недостаточность условий для личностного роста и самореализации молодых граждан с ограниченными возможностями здоровья;
- сохраняющиеся административно-правовые барьеры в сфере трудоустройства молодежи;
- слабость системы просвещения в сфере работы с информацией, выявления ложных информационных потоков, реагирования в ситуациях травли, обеспечения безопасности персональных данных [2].

В рассмотренной выше Стратегии проблематика правового нигилизма отдельно не выделяется, как и факторы, порождающие нигилизм. Однако представленные выше проблемные вопросы можно рассматривать и в контексте факторов, способствующих нигилизму.

В литературе чаще используется несколько иной подход, в рамках которого факторы, способствующие правовому нигилизму, группируются на социально-экономические, политико-правовые и социокультурные. Помимо того, особо выделяется проблема недостаточной эффективности системы правового просвещения [6, с. 45]. Конечно же, перечисленные факторы являются комплексными, и каждый из них может быть представлен целой группой конкретных проблем.

Перечисленные факторы носят максимально абстрактный характер, и в целом ими можно объяснить практически любое социально-правовое явление. Однако есть и такие факторы, которые специфичны именно для молодёжи. В этой связи В.В. Федотовская особо подчёркивает трудность адаптации молодых людей к таким социальным явлениям, как безработица, правовой и информационный вакуум, ненадлежащий образовательный процесс [9, с. 444–445].

Другие авторы более дифференцированно подходят к осмыслению порождающих нигилизм факторов, выделяя:

- общие причины (социально-экономические, политико-правовые причины, исторические);

- особенные причины (корыстно-материальные, морально-нравственные, культурные);

- частные причины [7, с. 9-10].

В числе причин, порождающих нигилизм, нельзя не отметить и наличие недостатков в действующем законодательстве. Зачастую граждане, особенно представляющие молодое поколение, просто не информированы или малоинформированы о тех правилах поведения, которые установлены действующим законодательством. Во многом эта проблема опосредуется обширной нормативной базой, причём содержащей массу противоречий [10, с 80].

В числе причин правового нигилизма среди молодёжи нельзя не выделить и противоречия социального характера, в частности, между предписанными целями, которые в обществе принято считать значимыми, и законными возможностями, которые это общество молодёжи обеспечивает; противоречия между широкими возможностями выбора в различных сферах деятельности и ограниченными легальными средствами реализации этих возможностей; противоречия между расширением потребностей в квалифицированном престижном и высокооплачиваемом труде и ограниченными возможностями их удовлетворения [5, с. 46–47].

Конечно, данные противоречия усилиями государства и общества в целом, в том числе в рамках системы образования, пытаются минимизировать. Однако результаты этой работы должного эффекта не дают по разным причинам, в том числе и ввиду отсутствия комплексного подхода к решению проблем [6, с. 45].

Говоря об отсутствии комплексного подхода, обратимся к Докладу о реализации в 2024 году плана деятельности Федерального агентства по делам молодёжи на период 2019-2024 годов [4], в котором отмечены исключительно позитивные моменты, то, что удалось сделать, причем без привязки к конкретным проблемам. То есть результаты в контексте решения отдельных проблем, которые бы так или иначе отражали динамику положения молодёжи, в

данном документе не представлены. То есть результаты реализации молодежной политики представляются вне связи с проблемами молодежи.

В рамках проблемы правового нигилизма среди молодёжи стоит отметить сложившуюся в правоохранительных органах практику, отличающуюся отсутствием отслеживания статистики преступности именно среди молодёжи, а также совершения преступлений в отношении представителей молодежи [3]. Возможно, в контексте проблем, которые пытаются решить правоохранительные органы, данный нюанс не имеет особого значения, однако с точки зрения совершенствования молодежной политики и преодоления проблем правового нигилизма среди молодёжи указанный вопрос играет немаловажную роль.

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что причин правового нигилизма множество, а роль каждой из них однозначно оценить невозможно. Тем не менее, одной из важнейших причин представляется отсутствие системных мер со стороны государства, нацеленных на преодоление правового нигилизма, которые бы учитывали особенности каждой конкретной категории населения, в том числе молодёжи, и ее отдельных возрастных групп. С учетом данного обстоятельства видится необходимость организации системной целенаправленной работы по преодолению правового нигилизма в молодежной среде, включающей, прежде всего, правовое просвещение в рамках системы образования, обеспечивающее формирование представлений о праве и возможностях его практического использования. Ориентиром развития правового просвещения в указанном направлении должны быть базовые представления о конституционном, гражданском, уголовном законодательстве и законодательстве об административных правонарушениях.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства

РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

2. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р; ред. от 08.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 2024. № 36. Ст. 5484.

3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>

4. Доклад о реализации в 2024 году плана деятельности Федерального агентства по делам молодежи на период 2019 – 2024 годов (утв. Руководителем Росмолодежи 28.02.2025) // Официальный сайт Росмолодежи. URL: https://fadm.gov.ru/upload/iblock/ea7/m0dswlhck2a78jnj9f28iv5imne4cvjn/O_реализации_в_2024_плана_деятельности.pdf

5. Аникеева О.А., Воронцова Е.А. Правосознание современных подростков и молодежи: технологии преодоления правового нигилизма // Вестник экономических и социологических исследований. 2023. № 1. С. 45–50.

6. Дзодзиков З.У. Конституционные права и обязанности молодежи: проблемы реализации в современной России // Административное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 38–52.

7. Пронина К.Ю. Правовой нигилизм государственных служащих в России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 229 с.

8. Рехачева Т.В. Организационно-правовой механизм преодоления конституционного нигилизма: дис ... канд. юрид. наук. Омск 2023. 198 с.

9. Федотовская, В. В. Правовой нигилизм среди молодежи, его влияние на общество и возможные пути преодоления // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 11(68). С. 444–455.

10. Хамитова Г. Правовой нигилизм молодежи: причины, пути преодоления // Право и управление. XXI век. 2011. № 1(18). С. 79-86.

References

1. Federal'nyj zakon ot 30.12.2020 № 489-FZ (red. ot 23.07.2025) «O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2021. № 1 (ch. I). St. 28.
2. Strategiya realizacii molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2030 g. (utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 17.08.2024 № 2233-r; red. ot 08.05.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2024. № 36. St. 5484.
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2024 goda // Oficial'nyj sayt MVD Rossii. URL: <https://mvd.rf/reports/item/60248328/>
4. Doklad o realizacii v 2024 godu plana deyatel'nosti Federal'nogo agentstva po delam molodezhi na period 2019 – 2024 godov (utv. Rukovoditelem Rosmolodezhi 28.02.2025) // Oficial'nyj sayt Rosmolodezhi. URL: https://fadm.gov.ru/upload/iblock/ea7/m0dswlhck2a78jnj9f28iv5imne4cvjn/O_realizacii_v_2024_plana_deyatelnosti.pdf
5. Anikeeva O.A., Voronczova E.A. Pravosoznanie sovremennyx podrostkov i molodezhi: texnologii preodoleniya pravovogo nigilizma // Vestnik e'konomicheskix i sociologicheskix issledovanij. 2023. № 1. S. 45–50.
6. Dzodzikov Z.U. Konstitucionny'e prava i obyazannosti molodezhi: problemy realizacii v sovremennoj Rossii // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2023. № 5. S. 38–52.
7. Pronina K.Yu. Pravovoj nigilizm gosudarstvennyx sluzhashhix v Rossii: teoretiko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2023. 229 s.
8. Rexacheva T.V. Organizacionno-pravovoj mexanizm preodoleniya konstitucionnogo nigilizma: dis ... kand. jurid. nauk. Omsk 2023. 198 s.
9. Fedotovskaya, V. V. Pravovoj nigilizm sredi molodezhi, ego vliyanie na obshhestvo i vozmozhny'e puti preodoleniya // Vestnik nauki. 2023. T. 1, № 11(68). S. 444–455.
10. Xamitova G. Pravovoj nigilizm molodezhi: prichiny, puti preodoleniya // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2011. № 1(18). S. 79-86.

Научная статья

УДК 342, 351.9

СООТНОШЕНИЕ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

**Примаков Алексей Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Могилевский
институт МВД, Могилев, Беларусь, alprimkrl@outlook.com**

Аннотация

Статья посвящена исследованию соотношения контроля и надзора в современной государственно-правовой доктрине. Контроль и надзор выступают важнейшими видами (направлениями) деятельности любого государства, составляя основу его системы управления, определяя эффективность и стабильность этой системы. В то же время вопросы, касающиеся контроля и надзора, в том числе и теоретико-правового характера, во многом носят проблемный характер, что в полной мере справедливо для темы соотношения контроля и надзора. С учётом этого в статье рассмотрены различные подходы к определению правовой сущности указанных понятий, а также подходы к определению их соотношения друг с другом. Проблема исследуется с учётом норм действующего Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», иных федеральных законов, регламентирующих контрольно-надзорную деятельность государства. Подчёркивается разнообразие взглядов на данную проблематику и неоднозначность нормативной основы, что выражается, в частности, в использовании законодателем такой конструкции, как «контроль (надзор)», и де-факто, и де-юре смешивающей указанные понятия, несмотря на наличие некоторых различий между ними. Исходя из рассмотренных источников формулируются авторские выводы о соотношении контроля и надзора.

Ключевые слова: контроль, контрольно-надзорная деятельность, надзор, органы контроля, органы надзора.

Статья поступила в редакцию 21.05.2025, одобрена после рецензирования 18.07.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN CONTROL AND SUPERVISION IN MODERN STATE-LEGAL DOCTRINE

Primakov Alexey Nikolaevich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, Mogilev, Belarus

Abstract

The article is devoted to the study of the relationship between control and supervision in modern state-legal doctrine. Control and supervision are the most important types (areas) of activity of any state, forming the basis of its management system, determining the effectiveness and stability of this system. At the same time, issues related to control and supervision, including those of a theoretical and legal nature, are largely problematic, which is fully true for the topic of the relationship between control and supervision. With this in mind, the article discusses various approaches to determining the legal essence of these concepts, as well as approaches to determining their relationship to each other. The problem is being investigated taking into account the norms of the current Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" and other federal laws regulating the control and supervisory activities of the state. The author emphasizes the diversity of views on this issue and the ambiguity of the regulatory framework, which is expressed, in particular, in the use by the legislator of such a construction as "control (supervision)", which both de facto and de jure confuses these concepts, despite the presence of some differences between them. Based on the sources considered, the author's conclusions about the relationship between control and supervision are formulated.

Keywords: control, control and supervisory activities, supervision, control bodies, supervisory authorities.

Введение

В теоретико-правовой доктрине контроль и надзор принято рассматривать как неотъемлемую часть деятельности государства, как элемент государственной власти, обусловленный самой природой государства, причём независимо от того, на каком именно историческом этапе развития оно находится и какой политический режим в нём установился [9, с. 9]. То есть проблематика контрольно-надзорной деятельности актуальна для любого государства без исключения, особенно если учесть определённую проблемность этой деятельности.

Среди фундаментальных проблем, которые присущи рассматриваемой деятельности, выделяется вопрос терминологии, то есть определения понятий контроля и надзора, а также соотношения данных понятий друг с другом. В условиях российской правовой системы и сформировавшейся государственно-правовой доктрины пока не приходится говорить о наличии какого-либо общепринятого подхода, отсюда и необходимость поиска вариантов для определения указанного соотношения.

Основная часть

В Российской Федерации действует ряд законодательных актов, обеспечивающих правовое регулирование контрольно-надзорной деятельности, но ключевым из них, по мнению автора, является Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3] (далее - Закон № 248-ФЗ), в ч. 1 ст. 1 которого под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий

указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия мер пресечения, устранения их последствий и (или) восстановления правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений.

В ч. 2 ст. 1 рассматриваемого Закона подчёркивается нацеленность контроля (надзора) на достижение общественно значимых результатов, которые в целом связаны с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. То есть указанный Закон формирует общее представление о сущности контроля (надзора), его ключевых элементах (субъектах, объекте, предмете, целях).

Помимо того, в ч. 3 ст. 1 рассматриваемого Закона приведен перечень видов деятельности, которые не охватываются понятием контроля (надзора), и к ним отнесены, в частности:

- оперативно-разыскная деятельность (ОРД), дознание и предварительное следствие;
- производство и исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях;
- прокурорский надзор.

В целом перечень видов государственной и муниципальной деятельности, не подпадающих под понятие контроля или надзора, является достаточно широким, и в данном случае приводить его не представляется необходимым. Однако рассмотренная выше норма даёт возможность сформулировать некоторые выводы относительно того, что же представляет собой контроль и надзор с позиции государства.

Во-первых. регламентируемый рассмотренным выше Законом контроль (надзор) определён именно «в целях настоящего Федерального закона», то есть представленная в ст. 1 трактовка является, безусловно, узкой, и не может быть

применена для обозначения контроля или надзора в целом, в контексте его теоретического осмысления.

Во-вторых, в рамках приведённого определения понятия «контроль» и «надзор» объединены общей конструкцией «контроль (надзор)». То есть законодатель принципиально данные понятия не разграничивает, не позволяя и определить их соотношение друг с другом однозначно, хотя в литературе господствует иное видение.

Тем не менее, употребление указанной комплексной конструкции позволяет полагать, что контроль и надзор рассматриваются законодателем либо как синонимы, либо как принципиально различные составляющие одного комплексного вида деятельности - контроля (надзора).

В-третьих, достаточно широкий спектр видов деятельности государства, в том числе прямо именуемых надзором, в рамках рассмотренного выше Закона не рассматривается, что представляется весьма странным, особенно с учётом положений Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» [1], согласно ст. 1 которого, прокуратура является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляемых надзор за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, наряду с иными функциями.

Поэтому, рассматривая контроль и надзор, в том числе к контексте их соотношения друг с другом, принципиально важно абстрагироваться от указанного Закона с пониманием того, что рассматриваемые феномены в их теоретической правовой сущности более широки, нежели это отражено в Законе.

Нельзя не обратить внимание и на утративший ныне силу Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» [4]., ст. 2 которого государственный контроль (надзор) трактовала как проведение проверки выполнения юридическим лицом или индивидуальным

предпринимателем обязательных требований. Помимо того, в указанной статье конкретизировалась и сущность мероприятия по контролю (надзору) как совокупность определённых действий должностных лиц органов государственного контроля (надзора). В этом смысле становится очевидно, что само понятие государственного контроля (надзора) является более широким в сравнении с понятием мероприятия по контролю (надзору).

В литературе подчёркивается, что законодатель не справился с терминологической задачей, упростив её внедрением конструкции «контроль (надзор)» в 2001 г. [6, с. 16]. С того времени указанная конструкция неизменно присутствуют в российском законодательстве и определённо осложняет задачу преодоления терминологической неопределённости между контролем и надзором, по крайней мере, на доктринальном уровне.

В ныне действующем Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [2] тоже употребляется понятие государственного контроля (надзора), который в ст. 2 трактуется именно в качестве деятельности уполномоченных органов власти, которая нацелена на предупреждение, выявление, пресечение нарушений юридическими лицами, их руководителями, иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями требований, установленных законодательством, посредством организации и проведения проверок, организации проведения мероприятий по профилактике нарушений, мероприятий по контролю, мероприятия по пресечению, устранению последствия выявленных нарушений, а также систематического наблюдения за исполнением обязательных требований указанными субъектами.

Представленное определение достаточно подробно раскрывает суть контроля (надзора), однако тоже не позволяет сформировать точного представления о том, чем же отличается контроль от надзора. Но опираясь на указанное определение, можно с некоторой условностью прийти к выводу, что с

точки зрения законодателя контроль и надзор - это не только неразрывно взаимосвязанные, но и близкие по своей сущности виды деятельности государства, особенно если учитывать, что правовое содержание контроля и надзора включает в себя цели, задачи, функции, субъекты, объекты, формы и методы [8, с. 106]. То есть структурно контроль и надзор идентичны. Что же касается содержательной идентичности, то она под вопросом.

Например, если рассматривать задачи контроля и надзора, то в целом они состоят в обеспечении законности и дисциплины в деятельности граждан и организаций, поддержании общественного правопорядка и безопасности, выявлении и пресечении противоправных действий (бездействия) [8, с. 110]. В этом смысле совершенно обоснованно в литературе употребляется понятие контрольно-надзорной деятельности именно в качестве способа обеспечения законности [7, с. 42]. Изложенное даёт возможность сделать вывод и обоснованности применения конструкции «контроль (надзор)».

Вместе с тем, в литературе сложилось относительно устойчивая практика разграничения терминов «контроль» и «надзор», в том числе и исходя из их этимологического значения, хотя определённая синонимичность тоже присутствует [7, с. 43]. То есть определённые основания имеют подходы, в рамках которых контроль и надзор рассматриваются в качестве синонимов, и подходы, в рамках которых контроль и надзор принципиально разграничиваются.

Примечательно, что А.В. Колязина описывает надзор как часть контрольной деятельности, которая охватывает лишь проверку исполнения норм закона, подзаконного акта или индивидуального акта, отличающуюся формой деятельности. В основе же разграничения контроля и надзора указанный автор отмечает характер отношений между субъектом и объектом: если в контрольных отношениях преимущественно присутствует подчиненность, то осуществление надзора происходит по отношению к неподчиненным органам, гражданам и

организациям [7, с. 49-50]. Такой подход в целом точно отражает суть различий между контролем и надзором.

Во многом схожую позицию выражает Ю.С. Смородинова, рассматривая контроль именно в контексте управленческой деятельности, как предполагающий наблюдение, выявление, устранение нарушений. Однако, и надзор в её понимании тоже рассматривается в качестве вида управленческой деятельности, но в отношении субъектов, которые не находятся в подчинении надзирающего субъекта [10, с. 12]. Весьма спорная позиция, особенно если рассматривать надзор, например, применительно к органам прокуратуры, осуществляющим соответствующие надзорные мероприятия в отношении субъектов, ни коим образом от неё независимых и в полной мере самостоятельных. В этом смысле надзор вряд ли уместно рассматривать как вид управленческой деятельности, а если такое допустимо, то лишь в отдельных исключительных случаях.

Примечательно, что во многих научных исследованиях акцент делается именно на контрольно-надзорной деятельности в целом. Применительно к ней рассматриваются те или иные особенности, в том числе формы деятельности [9, с. 64]. Однако, использование такого подхода не даёт возможности выделить принципиальные различия между контролем и надзором как неотъемлемыми составляющими такого рода деятельности.

Тем не менее, и применительно к контролю, и применительно к надзору можно отметить комплексный межотраслевой характер [9, с. 9-10].

Примечательно, что в литературе высказываются даже идеи о выделении относительно самостоятельной власти, именуемой контрольно-надзорной [9, с. 10]. С учётом этого как контрольная, так и надзорная деятельность может быть рассмотрена именно как деятельность властная.

Д.К. Дитрих совершенно обоснованно отмечает, что с учётом современного состояния законодательства корректное разграничение контроля и надзора оказывается невозможным. Даже в пределах отдельных нормативных

актов терминологическое единство не прослеживается, а само содержание контроля и надзора остаётся дискуссионным вопросом [5, с. 380]. Соглашаясь с данной позицией, нельзя не признать принципиальной важности поиска как сходств, так и различие между контролем и надзором, ведь данные виды деятельности так или иначе во многих случаях упоминаются врозь.

Для выявления принципиального отличия надзора уместно обратиться к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». Исходя из его норм, надзор не предполагает прямого вмешательства в деятельность поднадзорного субъекта и прямого применения мер принуждения, при этом реализуется в отношении субъектов, которые не находятся в подчинении органов прокуратуры. Такой взгляд на сущность надзора вполне уместно распространить и на иные случаи надзора. А это уже позволяет формулировать определённые выводы о соотношении контроля и надзора друг с другом.

Заключение

Закон не содержит норм, которые бы позволяли однозначно отграничить контроль от надзора. Однако, исходя из анализа литературы и законодательства, можно выявить определённые различия, по крайней мере на теоретическом уровне. Надзор не предполагает прямого вмешательства в деятельность поднадзорного субъекта, причём сами поднадзорные субъекты в отношениях подчинённости с надзорным органом не находятся. В этом смысле не прослеживается и управленческая составляющая надзора. Контроль же, как правило, реализуется в отношении подчинённых субъектов и предполагает возможность вмешательства в деятельность подконтрольного. Но выделяемые различия носят условный характер, в связи с чем законодатель уже давно принял решение рассматривать контроль и надзор в их взаимосвязи, хотя в отдельных государственных структурах данные виды деятельности принципиально различаются.

Исходя из этого, автор считает, во-первых, принципиально невозможным рассмотрение контроля и надзор в качестве синонимов, полагая, что это

различные виды деятельности; во-вторых, их цели и (или) задачи состоят в предупреждении, выявлении, пресечении противоправных деяний, но разными методами: в рамках надзора имеет место, как правило, опосредованное влияние, в рамках контроля - прямое.

Список литературы

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-І (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
2. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч.І). Ст. 6249.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. І). Ст. 5007.
4. Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. І). Ст. 3436 – утратил силу.
5. Дитрих Д.К. Контроль и надзор: проблемы терминологии в российском законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 9А. С. 377-383.
6. Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор): монография. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2023. 232 с.

7. Колязина А.В. Государственный контроль и надзор в жилищнокоммунальном хозяйстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 246 с.
8. Концепция правового регулирования использования информационных технологий в сфере государственного контроля и надзора в условиях «цифровой экономики»: результаты исследования: монография / под науч. ред. А.В. Мартынова. Н. Новгород: Изд-во НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 251 с.
9. Романов С.А. Контрольно-надзорные органы в механизме современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 176 с.
10. Смородинова Ю.С. Контроль и надзор в деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (административно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 210 с.

References

1. Federal'nyj zakon ot 17.01.1992 № 2202-I (red. ot 03.02.2025) «O prokurature Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 47. St. 4472.
2. Federal'nyj zakon ot 26.12.2008 № 294-FZ (red. ot 26.12.2024) «O zashhite prav yuridicheskix licz i individual'ny'x predprinimatelej pri osushhestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 52 (ch.I). St. 6249.
3. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ (red. ot 24.06.2025) «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2020. № 31 (ch. I). St. 5007.
4. Federal'nyj zakon ot 08.08.2001 № 134-FZ «O zashhite prav yuridicheskix licz i individual'ny'x predprinimatelej pri provedenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora)» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 33 (ch. I). St. 3436 – utratil silu.
5. Ditrix D.K. Kontrol' i nadzor: problemy` terminologii v rossijskom zakonodatel'stve // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13, № 9A. S. 377-383.

6. Zy`ryanov S.M. Gosudarstvenny`j kontrol` (nadzor): monografiya. M.: IZiSP pri Pravitel`stve RF; OOO «YuRIDICHESKAYa FIRMA KONTRAKT», 2023. 232 s.
7. Kolyazina A.V. Gosudarstvenny`j kontrol` i nadzor v zhilishhnokommunal`nom khozyajstve: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2018. 246 s.
8. Konceptiya pravovogo regulirovaniya ispol`zovaniya informacionny`x tehnologij v sfere gosudarstvennogo kontrolya i nadzora v usloviyax «cifrovoj e`konomiki»: rezul`taty` issledovaniya: monografiya / pod nauch. red. A.V. Marty`nova. N. Novgorod: Izd-vo NGU im. N.I. Lobachevskogo, 2021. – 251 s.
9. Romanov S.A. Kontrol`no-nadzorny`e organy` v mexanizme sovremennogo rossijskogo gosudarstva: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2023. 176 s.
10. Smorodinova Yu.S. Kontrol` i nadzor v deyatel`nosti organov ispolnitel`noj vlasti sub`ektov Rossijskoj Federacii (administrativno-pravovoj aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2015. 210 s.

Научная статья

УДК 340.113

ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

**Морган Скайлер, Ph.D., доцент факультета криминологии, уголовного правосудия и управления в чрезвычайных ситуациях, Калифорнийский государственный университет, Лонг-Бич, Калифорния, США,
skymorgcb@bk.ru**

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к трактовке правомерного поведения. Затрагиваются вопрос обязательности (необязательности) соответствия социально полезным целям. Обращается внимание на наличие отраслевой специфики признания поведения правомерным, что означает возможность признания одного и того же поведенческого акта правомерным в рамках одной отрасли законодательства (права) и неправомерным – в рамках другой отрасли. Приводятся соответствующие примеры юридически значимого поведения, неодинаково оцениваемого в рамках разных отраслей права. Подчеркивается многообразие форм проявления правомерного поведения. Анализируется проблема маргинального поведения в контексте правомерности и отмечается его пограничный характер. Рассматриваются некоторые аспекты злоупотребления правом. Обосновывается отрицание осознанности как обязательного признака любого правомерного поведения. Оспаривается также активность в качестве признака правомерного поведения ввиду возможности признания правомерным и пассивного поведения (бездеятельности). Наличие обязательной четкой правовой регламентации также ставится под сомнение: об этом свидетельствует наличие пробелов в законодательстве. Указывается на наличие специфики правомерного поведения, обусловленной его чрезвычайным многообразием. По итогу формулируется авторский вариант определения понятия «правомерное поведение», с учетом отраслевой специфики правового регулирования.

Ключевые слова: правомерное поведение, правонарушение, преступление, соблюдение законодательства, юридическая ответственность, юридически значимое поведение

Статья поступила в редакцию 28.07.2025, одобрена после рецензирования 02.10.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

PROBLEMS OF THE DOCTRINAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY OF "LAWFUL BEHAVIOR"

**Skyler Morgan, Ph.D., Associate Professor of the Department of Criminology,
Criminal Justice and Emergency Management, California State University,
Long Beach, California, USA**

Abstract

The article discusses approaches to the interpretation of lawful behavior. The issue of the obligation (non-obligation) to meet socially useful goals is raised. Attention is drawn to the existence of industry-specific recognition of behavior as lawful, which means the possibility of recognizing the same behavioral act as lawful within one branch of legislation (law) and unlawful within another branch. Relevant examples of legally significant behavior are given, which are assessed differently in different branches of law. The variety of forms of legitimate behavior is emphasized. The problem of marginal behavior in the context of legality is analyzed and its borderline character is noted. Some aspects of abuse of law are considered. The author substantiates the denial of awareness as a mandatory feature of any lawful behavior. Activity is also disputed as a sign of legitimate behavior due to the possibility of recognizing passive behavior (inactivity) as legitimate. The existence of mandatory clear legal regulations is also being questioned: this is evidenced by the presence of gaps in legislation. It is pointed out that there is a specificity of lawful behavior due to

its extreme diversity. As a result, the author's version of the definition of "lawful behavior" is formulated, taking into account the industry specifics of legal regulation.

Keywords: lawful behavior, offense, crime, compliance with legislation, legal responsibility, legally significant behavior

Введение

В теории государства и права вопросы понимания сущности юридически значимого поведения всегда находились и продолжают находиться в центре внимания. Интерес к ним вполне закономерен, поскольку именно от того, как понимается феномен правомерного поведения, зависит решение многих фундаментальных проблем, в том числе и связанных с определением сущности правонарушения (преступления) и установлением оснований ответственности за него.

Несмотря на огромный массив научно-исследовательского материала по данной теме, в вопросах понимания феномена правомерного поведения не получилось достичь единодушия. Это означает и недостаточную разработанность данной темы.

С учётом состояния исследуемой проблематики целью автора статьи является уточнение содержания понятия «правомерное поведение» в контексте отечественной доктрины права.

Основная часть

Затрагивая доктринальный аспект правомерного поведения, будет не лишним заметить, что сам феномен такого поведения на протяжении всей истории человечества неуклонно эволюционировал. В целом же представления о нём были сформированы в Новейшее время [1, с. 262]. Тем не менее, на сегодняшний день было бы ошибкой утверждение о том, что эволюция рассматриваемого феномена остановилась.

Если рассматривать правомерное поведение в наиболее обобщённом виде, то его можно определить как поведение субъекта правоотношений, согласуемое

с действующими правовыми нормами и (или) не вступающее в противоречие с ними [3, с. 6]. Основной акцент здесь делается именно на отсутствии противоречий установленным в обществе и государстве нормам.

В этой связи ключевой характеристикой или критерием правомерности того или иного поведения является совпадение регламентации и поведения, выражающегося в действии или бездействии конкретного субъекта [3, с. 6].

Изложенное означает, что в целом поведением, в том числе правомерным, может признаваться как действие, так и бездействие, что выражает многоаспектность и вариативность данного правового явления.

Вариативность и многоаспектность указанного феномена подчёркивает, в частности, М.С. Бирюкова, характеризующая также его волевой характер, соответствие правовым нормам и социально полезным целям [1, с. 264].

Признавая во многом обоснованным такой взгляд на правомерное поведение, нельзя не согласиться с некоторыми нюансами. В частности, о соответствии социально полезным целям правомерного поведения не всегда можно говорить с абсолютной уверенностью, если признать, что в определённых случаях индивид может совершенно законно бездействовать, когда общество и (или) государство нуждается в его активности.

В то же время, правомерность поведения не всегда может быть поставлена под сомнение, когда такое поведение не в полной мере отвечает социально полезным целям. Например, отказ гражданина от участия в выборах в качестве избирателя является в полной мере законным, по крайней мере, в условиях российской правовой системы. Вместе с тем, о социальной полезности такого поведения говорить не приходится. То, то есть не всякое правомерное поведение однозначно отвечает социально полезным целям.

Но и не отвечающее социально полезным целям правомерное поведение может не вступать с ними в противоречие. Представленный пример об этом также свидетельствует: отказываясь от голосования на выборах, пример, гражданин не создаёт препятствий государству или обществу в достижении

социально полезной цели, связанной с формированием властных институтов, к коим относятся избираемые представительные органы власти.

Сложности в выработке единого подхода к пониманию правомерного поведения в немалой степени обуславливаются отраслевой спецификой. То или иное поведение субъекта в контексте его правомерности или неправомерности можно рассматривать с позиций практически любой отрасли права (законодательства), которая в настоящее время существует и которой так или иначе касается поведение. То есть один и тот же поведенческий акт или бездействие может быть рассмотрен с позиции конституционного, уголовного, административного, гражданского, трудового права и т.д. [1, с. 263]. Очевидно, что этот условный поведенческий акт в рамках одной отрасли права может быть расценён в качестве правомерного поведения, в то время как в контексте другой отрасли права он будет признан неправомерным. Примером может быть опоздание на работу или прогул, не представляющие де-юре общественной опасности с позиций уголовного законодательства, но наказуемые, как правило, в рамках трудовых правоотношений.

Определённые сложности в выработке единообразного подхода к пониманию феномена правомерного поведения опосредуются его многообразием, на что указывается и в литературе [1, с. 263]. Причём логичность такого взгляда на феномен правомерного поведения сомнений не вызывает, особенно при анализе норм действующего законодательства, которое предоставляет широкие возможности для избрания линии правомерного поведения, причём применительно к самым разным правовым ситуациям.

В свете сказанного весьма актуальным является вопрос признания правомерным такого поведения, которое принято именовать маргинальным. Сам феномен маргинального поведения уже прочно вошёл в юридический лексикон, однако нормативного закрепления не получил, что затрудняет его оценку с позиций правомерности. В то же время в литературе совершенно обоснованно подчёркивается специфичность такой формы существования. Причём нередко

указывается на правомерность маргинального поведения. Во всяком случае, такая позиция преобладает в современной литературе [1, с. 263].

Чаще всего в числе особенностей маргинального поведения отмечаются конформизм, депрессивность, преобладание нигилистических реакций, в чем нередко бывают вполне конкретные причины, а именно и фактическая и юридическая ограниченность маргинальных субъектов в возможностях проявления правовой активности [1, с. 263].

Однако можно поспорить по поводу того, что маргинальное поведение является сугубо пассивным. Полагаем, что и активные проявления маргинального поведения тоже имеют место быть, причем в самых различных жизненных ситуациях: при поиске источников средств к существованию, поиске и обустройстве жилища, проведении досуга и пр.

Трудности в понимании специфики маргинального поведения и его оценке с позиций права побуждают учёных искать компромиссы, результатом чего является признание пограничного характера такого поведения: оно находится между правомерным и неправомерным поведением [1, с. 262]. Причем пограничный характер рассматриваемого поведения обусловлен именно неоднозначностью, неконкретностью, незначительностью различий между соответствующим и несоответствующим законодательству поведением, особенно если учесть тот образ жизни и те возможности, которыми характеризуется существование лиц, именуемых маргиналами.

Особый характер имеет проблема злоупотребления правом в контексте правомерности или неправомерности поведения. Сложность оценки указанного феномена в том, что изначально он связан с реализацией субъективного права, а значит, с изначально признаваемой правомерной активностью, которая в дальнейшем выходит за некоторые допустимые законом пределы [3, с. 15]. И формирование доктринальных взглядов на феномен злоупотребления правом осложнено тем, что зачастую само нарушение не является очевидным, особенно в тех условиях, когда конкретные рамки регулятором не обозначены. Например,

в случае наличия законодательного пробела, злоупотребление правом де-факто может иметь место, однако де-юре конкретная юридически значимая активность злоупотреблением может и не признаваться. Именно в таких ситуациях возникает неопределённость.

На практике вопрос решается, как правило, исходя из юридических последствий: если конкретные негативные правовые последствия для субъекта возникают, то его деяние рассматривается как злоупотребление; в иных же случаях даже злоупотребление правом может быть признано правомерным. Хотя законодатель всеми силами старается такого рода ситуации предотвратить.

По этой причине злоупотребление правом зачастую тоже рассматривается как некое пограничное положение или даже нейтральное положение между правомерным и неправомерным поведением [3, с. 8]. Но думается, что такой подход уместен лишь в отдельных случаях, когда закон однозначной оценки злоупотребления правом не предусматривает.

Специфика злоупотребления правом выражается и в том, что изначально оно начинается с правомерного поведения, которое перетекает в неправомерное (условно неправомерное). Иными словами, правомерность в действиях или бездействиях субъекта утрачивается [3, с. 8].

Интересный взгляд на рассматриваемую проблематику демонстрирует Д.В. Рукавишников, характеризуя правомерное поведение как общественно значимое, которые соответствуют требованиям правовых норм, носит осознанный характер, выражается в их исполнении, соблюдении, использовании, причем гарантируется и охраняется государством [5, с. 13]. С некоторыми характеристиками здесь можно поспорить.

Например, осознанность, как мы полагаем, имеет место не всегда. Зачастую, правомерное поведение является лишь привычной моделью выражения активности, когда индивид не задумывается о том, является ли оно социально полезным, необходимым, обязательным. Например, нарушение норм уголовного законодательства, выражающееся в совершении тех или

иных преступных деяний, для гражданина, как правило, является естественным, разумным, во всяком случае, в тех ситуациях, когда речь не идёт о необходимости принятия конкретных юридически значимых решений. Отсюда можно полагать, что правомерное поведение может быть не только осознанным, но и неосознанным.

Оценка того или иного поведения с позиции правомерности обычно даётся исходя из действующих в государстве норм законодательства. Однако некоторыми авторами такой подход ставится под сомнение. К примеру, Д.М. Бортников пишет, что использовать нормы права для формулировки сущности правомерного поведения не вполне корректно, ведь не все отношения регламентируются нормами. И в обоснование таких взглядов он не рассматривает в качестве правомерного такое поведение, которое не подпадает под правовое регулирование, даже если оно не противоречит действующему законодательству. То есть поведение, носящее нейтральный характер, не нашедшее правового регулирования, данный автор не признает ни правомерным, ни неправомерным [2, с. 107–110].

Весьма спорным является признание обязательной такой характеристики правомерного поведения, как активность. Хотя в современной литературе активность нередко отмечается именно как обязательный признак рассматриваемого поведения [4, с. 226]. Конечно, в целом можно признать, что поведение является выражением активности, однако в определённых случаях оно может носить и пассивный характер и именоваться бездействием, тоже имеющим юридическое значение.

Крайне неоднозначны некоторые другие аспекты правомерного поведения, отмечаемые, в работе Д.В. Рукавишникова [5, с. 21]. Так вызывает сомнение отмечаемое указанным автором наличие чёткой юридической регламентации правомерных действий: думается, что не каждое действие, признаваемое правомерным, в должной мере детально урегулировано.

Общественная значимость правомерного поведения тоже вызывает некоторые вопросы. В целом сомнений в том, что правомерное поведение крайне значимо для общества и государства, нет, однако каждый конкретный акт правомерного поведения вряд ли может признаваться значимым, особенно в тех случаях, когда речь идёт о пассивном соблюдении установленных законодательством запретов, поскольку это не порождает каких-либо изменений в состоянии общества и правовых отношениях.

Понимание специфики правомерного поведения осложняется его чрезвычайным многообразием, поскольку оно может быть социально активным, социально пассивным, привычным, конформистским, маргинальным, нигилистическим [4, с. 226]. Для каждой модели поведения свойственна своя специфика, которая может стать самостоятельным предметом научного исследования.

Более того, как в целом, так и применительно к каждой из перечисленных моделей, отсутствует какая-либо определённая возможность уточнения границ правомерного поведения. Именно это, по справедливому замечанию С.В. Титовой, препятствует выработке унифицированной дефиниции правомерного поведения в юридической науке. Отсюда и вполне закономерный вывод о том, что в определении сущности правомерного поведения необходимо наличие как общетеоретического, так и межотраслевого элементов [6, с. 112].

Проблематика. Определение сущности правомерного поведения осложняется и таким феноменом, как этика и этические нормы, которые с каждым днём становятся все более значимыми [7, с. 16]. В этой связи многие нарушения этических норм расцениваются как неправомерные акты. В то же время некоторая доля нарушений этических норм под понятие правонарушения не подпадает. Отсюда следует и пограничный характер многих актов правомерного поведения, которые не соответствуют или не в полной мере соответствуют этическим нормам, но одновременно с этим являются правомерными.

Заключение

Феномен правомерного поведения, таким образом, в науке понимается неоднозначно, что, во-первых, обусловлено отсутствием его законодательно закреплённой трактовки, во-вторых, продиктовано объективными затруднениями или даже невозможностью сформулировать такую трактовку, которая бы отвечала специфике всех отраслей права или, по крайней мере, специфике большинства из них. Задачу выработки определения осложняют и многие нюансы, прямо или косвенно относящиеся к оценке поведения с позиции правомерности. В частности, не вполне понятными остаются вопросы о роли этической составляющей в оценке правомерности поведения субъекта, о понимании сущности злоупотребления правом.

С учётом изложенного, правомерное поведение предлагается определить как многоаспектный правовой феномен, отражающий деятельность и (или) бездеятельность индивида, соответствующую действующему законодательству или, по крайней мере, не нарушающую его в целом или в рамках отдельной сферы (отрасли) регулирования.

Список литературы

1. Бирюкова М.С. Маргинальное правомерное поведение: общетеоретический аспект // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 261–266.
2. Бортников Д.М. Проблемы определения содержания правомерности поведения // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2023. Выпуск 4. С. 106–111.
3. Василевич Г.А., Василевич С.Г. Правомерное поведение и злоупотребление правом // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 5–17.
4. Миронов В.О., Зин Н.В. О правомерном поведении и правонарушении // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191). С. 226–228.

5. Рукавишников Д.В. Современные ценности и их влияние на правомерное поведение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 31 с.
6. Титова Е.В. Основные доктринальные подходы к определению категории «правомерное поведение»: конституционно-правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15, № 2. С. 110–114.
7. Тихомиров Ю.А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2019. № 5(269). С. 5–20.

References

1. Biryukova M.S. Marginal`noe pravomernoje povedenie: obshheteoreticheskij aspekt // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 261–266.
2. Bortnikov D.M. Problemy` opredeleniya sodержaniya pravomernosti povedeniya // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek i obshhestvo». 2023. Vy`pusk 4. S. 106–111.
3. Vasilevich G.A., Vasilevich S.G. Pravomernoje povedenie i zloupotreblenie pravom // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. T. 26. № 10. S. 5–17.
4. Mironov V.O., Zin N.V. O pravomernom povedenii i pravonarushenii // Agrarnoe i zemel`noje pravo. 2020. № 11 (191). S. 226–228.
5. Rukavishnikov D.V. Sovremennyy`e cennosti i ix vliyanie na pravomernoje povedenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2011. 31 s.
6. Titova E.V. Osnovny`e doktrinal`ny`e podxody` k opredeleniyu kategorii «pravomernoje povedenie»: konstitucionno-pravovoj aspekt // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. T. 15, № 2. S. 110–114.
7. Tixomirov Yu.A. Povedenie v obshhestve i pravo // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 5(269). S. 5–20.

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343

ВОПРОСЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Иесуэ Лаура, Ph.D., постдокторант Института общественной безопасности, доцент уголовного правосудия и криминологии, Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл, Техас, США, iesuelauracrj@outlook.com

Аннотация

Анализируя вопросы декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности, автор исходит из того, что законодатель ключевое внимание уделяет именно криминализации, а декриминализация является скорее редким исключением как в целом, так и в части деяний в сфере экономической деятельности. Автор объясняет это стремлением законодателя обеспечить максимальную превенцию. В работе также затрагивается тенденция повышения приоритетности возмещения вреда с прекращением уголовного преследования, хотя такую тенденцию нельзя назвать характерной для значительной части составов исследуемых преступлений. Обосновывается необходимость наличия в УК РФ некоторых так называемых «мёртвых» норм, которые практически не применяются на практике, однако имеют предупредительное значение и могут быть реализованы в крайних случаях, в качестве исключения. Также обосновывается противоречие официально декларируемой политики по либерализации уголовного законодательства, в том числе в отношении субъектов предпринимательства, и реально проводимых изменений: при 32 дополнительно введённых статьях УК РФ в гл. 22 УК РФ декриминализированы были деяние лишь по 5 статьям. Сделан вывод о необходимости законодателю более конкретно определиться с реализацией уголовно-правовой политики и её курсом, в также больше внимания уделять вопросам декриминализации деяний,

в том числе с учётом возможности их перевода из категории преступлений в категорию административных правонарушений.

Ключевые слова: декриминализация, криминализация, общественная опасность деяния, преступление, преступления в сфере экономической деятельности, преступность деяния, УК РФ, экономические преступления

Статья поступила в редакцию 03.07.2025, одобрена после рецензирования 05.09.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

ISSUES OF DECRIMINALIZATION OF CERTAIN CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

Laura Iesue, Ph.D., Postdoctoral Fellow (Institute for Public Safety), Associate Professor of Criminal Justice and Criminology, Sam Houston State University, Huntsville, Texas, USA

Abstract

Analyzing the issues of decriminalization of crimes in the sphere of economic activity, the author proceeds from the fact that the legislator pays key attention to criminalization, and decriminalization is rather a rare exception both in general and in terms of acts in the sphere of economic activity. The author explains this by the legislator's desire to ensure maximum prevention. The paper also touches upon the tendency to increase the priority of compensation for harm with the cessation of criminal prosecution, although this trend cannot be called characteristic of a significant part of the crimes under study. The article substantiates the need for certain so-called "dead" norms in the Criminal Code of the Russian Federation, which are practically not applied in practice, but have a preventive value and can be implemented as an exception in extreme cases. The author also substantiates the contradiction between the officially declared policy of liberalizing criminal legislation, including in relation to business entities, and the actual changes being made: with 32 additional articles of the

Criminal Code of the Russian Federation, Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation decriminalized only 5 articles. It is concluded that the legislator needs to determine more specifically the implementation of criminal law policy and its course, as well as pay more attention to the issues of decriminalization of acts, including taking into account the possibility of their transfer from the category of crimes to the category of administrative offenses.

Keywords: decriminalization, criminalization, public danger of an act, crime, crimes in the sphere of economic activity, criminality of an act, Criminal Code of the Russian Federation, economic crimes

Введение

Вопросы декриминализации деяний в сфере экономической деятельности характеризуются особой актуальностью. Это объясняется, в частности, тем, что данный вопросы затрагивают интересы субъектов предпринимательства, деятельность которых крайне важна для экономики любого государства, в том числе и Российской Федерации [3, с. 47]. В этом плане уголовно-правовая политика в сфере регулирования ответственности за соответствующие виды преступных деяний оказывает немалое влияние на деловой климат в стране.

Конечно, меры по декриминализации, так и по криминализации, должны носить научно и практически обоснованный и системный характер, быть стратегически выверенными. Но говорить о том, что в России они реализуются именно таким образом, пока не приходится. В литературе [5] отмечается волнообразный и спонтанный характер изменений, вносимых в Уголовный кодекс Российской Федерации [1].

Кроме того, реалии развития уголовного законодательства противоречат декларируемой официально политике по либерализации УК РФ, в том числе в части регулирования ответственности предпринимателей. В этих условиях появляется потребность в качественном осмыслении проблем, связанных с декриминализацией отдельных деяний в сфере экономической деятельности.

Основная часть

Приступая к анализу проблематики декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности, в первую очередь стоит подчеркнуть отмечаемую в литературе перенасыщенность УК РФ составами экономических преступлений, что расценивается как один из результатов стремления Российского государства повысить количество запретов с целью осуществления максимальной превенции криминализации экономической сферы деятельности [9, с. 72].

То есть намерения законодателя вполне благие: чтобы предупредить разного рода злоупотребления со стороны субъектов экономической деятельности, он криминализует многие её аспекты, влекущие для общества и государства высокие риски. Однако зачастую это переходит все границы и субъекты экономической деятельности, в том числе из категории предпринимателей, сталкиваются с множеством правовых рисков, влекущих в том числе и риск привлечения к уголовной ответственности. В этой связи нельзя не отметить, что любая предпринимательская деятельность сопряжена с широким спектром рисков для лиц, её осуществляющих. Поэтому вопрос декриминализации – это, в том числе, и вопрос сокращения рисков для указанных субъектов.

Для более основательной проработки проблематики декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности необходимо затронуть исторический аспект, рассмотрев отдельные случаи исключения преступности деяний в рассматриваемой сфере. Так, в числе наиболее ранних случаев декриминализации оказались, в частности, такие преступления, как заведомо ложная реклама, предусмотренная ст. 182 УК РФ и обман потребителей, предусмотренный ст. 200 УК РФ: оба деяния были исключены из категории преступлений в 2003 г. Можно полагать, что решения законодателя о их декриминализации были обоснованным и продиктованы не только крайне редким применением, но и весьма спорным характером самих формулировок.

Так, применительно к заведомо ложной рекламе вряд ли можно точно сказать, что является ложью, поскольку сама реклама по своей природе в большей мере апеллирует к чувствам и эмоциям, и в этой связи любое преувеличение, любое неосторожно подобранное сравнение может повлечь серьезные уголовно-правовые риски.

Вместе с тем, возможность привлечения к уголовной ответственности за ложную рекламу в отдельных случаях все же сохранилось в рамках ст. 159 УК РФ («мошенничество») и ст. 165 УК РФ «причинение имущественного ущерба путём злого обмана или злоупотребления доверием», на что указывают Ф. А. Вестов и Н. Р. Шамьенов [3, с. 47].

Что же касается таких деяний, как лжепредпримательство (ст. 173 УК РФ – утратила силу в 2010 г.) и контрабанда (ст. 188 УК РФ – утратила силу в 2011 г.), то они, как пишут Ф. А. Вестов и Н. Р. Шамьенов, «не совсем исчезли», в связи с чем «говорить о декриминализации как таковой не приходится» [3, с. 47]. Такое мнение обосновывается появлением в УК РФ новых составов преступлений, связанных с неправомерным образованием юридического лица (ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ) и контрабандой (ст.ст. 200.1, 226.1, 229.1 УК РФ).

В литературе многими авторами отмечается вполне конкретная тенденция либерализации уголовно-правовой политики и соответствующего перераспределения репрессивного уголовно-правового воздействия на другие отрасли права, прежде всего, на административное [9, с. 72]. Иными словами, деяния, ранее признаваемые уголовно наказуемыми, переходят в разряд административных правонарушений, наказуемых в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (КоАП РФ).

Также заслуживающей внимания тенденцией является повышение приоритетности возмещение вреда и прекращение уголовного преследования в связи с этим. В развитии такого подхода прослеживается вполне конкретный, экономически обоснованный интерес. С экономической точки зрения предоставление субъекту преступления возможности возместить ущерб от

собственного противоправного деяния «в обмен» на освобождение от уголовного преследования зачастую оказывается гораздо выгоднее, нежели реализация репрессивных мер, поскольку в последнем случае, хотя и реализуется уголовно-правовая превенция, но обе стороны оказываются в невыгодном положении. В связи с этим также высказываются мысли об излишней идеализации изложенного подхода ввиду нивелирования превентивной функции Уголовного закона [9, с. 72]. Такая тенденция действительно весьма неоднозначна, так как экономический интерес ставится выше, а интересы защиты общества, граждан и государства от общественно опасных деяний, по сути, игнорируются или отходят на второй план.

Нельзя не признать, что некоторые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, в том числе применительно к субъектам предпринимательства, на практике не применяются либо применяются крайне редко, ввиду чего даже именуется «мёртвыми». И на первый взгляд, их можно рассматривать как потенциальные объекты декриминализации. Между тем, вопрос их декриминализации оказывается не столь однозначным. В литературе высказывается мнение о том, что подобные нормы носят превентивный характер именно в силу самого факта их наличия в Особенной части УК РФ. Иными словами, это как своего рода крайняя мера, которая применяется лишь в исключительных случаях [3, с. 47].

В контексте рассмотрения проблематики декриминализации нельзя не отметить и появление в УК РФ широкого круга новых норм об ответственности за деяния в сфере экономической деятельности, которые затрагивают, в том числе, и интересы субъектов предпринимательства. Причём эта тенденция имеет усиливающийся характер, на что указывает, например, Ю. И. Кулешов и А. В. Быков [6, с. 8]. Более того, отдельные авторы даже пишут об избыточности криминализации деяний [8, с. 25].

В этой связи необходимо заметить, что в гл. 22 о преступлениях в сфере экономической деятельности за весь период действия УК РФ было внесено

дополнительно 32 статьи, при этом утратили силу лишь 5. Если круг исследуемых деяний расширить за счёт остальных преступлений в сфере экономики, то различия окажутся ещё более существенными. И это позволяет поддержать тех авторов, которые усматривают в российской уголовно-правовой политике избыточность криминализации деяний.

С другой стороны, вряд ли можно сомневаться в том, что во многих случаях криминализация определённых деяний обусловлена объективными причинами и призвана обеспечить защиту государства, общества и личности от отдельных посягательств, влекущих высокие риски для охраняемых законом прав и интересов.

Здесь нельзя не отметить усложнение структуры экономических отношений, расширение круга видов экономической деятельности, также внедрение в сферу экономики информационных технологий. Все это порождает необходимость принимать в том числе и меры уголовно-правового характера, связанные с расширением спектра уголовно наказуемых деяний. В этом также видится определённая увлечённость законодателя вопросами максимальной уголовно-правовой превенции, в связи с чем его внимание отстраняется от отдельных составов, которые, возможно, следовало бы декриминализировать.

В связи с изложенным нельзя не признать того факта, что в России гораздо проще решается вопрос о криминализации тех или иных деяний, нежели о декриминализации. Думается, что в восприятии законодателя имеет место некоторая презумпция: если ранее было принято решение о криминализации того или иного деяния, то это решение уже не ставится под сомнение с точки зрения возможности его декриминализации.

Представляется, что слишком пассивная политика законодателя в части пересмотра составов преступлений в сфере экономической деятельности в контексте декриминализации не вызывала бы столько вопросов, если бы в целом политика законодателя была имела конкретный вектор. Однако она во многом

носит спонтанный, импульсивный характер, что отмечается в научной литературе [4, с. 1406].

Впрочем, некоторые авторы ставят под сомнение и те решения законодателя о декриминализации, которые были приняты ни один год назад. Например, выражаются сомнения по поводу целесообразности декриминализации заведомо ложной рекламы, поскольку общественная опасность этого деяния нередко недооценивается, по мнению некоторых исследователей [10].

Нельзя не заметить, что включение в УК РФ многих составов преступлений не сопряжено с их детальной проработкой и научным обоснованием, на что указывает В. А. Маслов [7, с. 72]. Однако законодатель в таких случаях вместо декриминализации тех или иных деяний предпочитает вносить бесчисленные изменения в соответствующие нормы, устраняя таким образом недостатки ранее принятых решений.

Нет сомнений, что вопрос о декриминализации конкретного деяния может быть решён положительно лишь в том случае, если законодатель усмотрит в нём отсутствие общественной опасности. Но здесь крайне важно уточнить, что общественная опасность (степень общественной опасности), как типовой признак, отражается именно в Особенной части УК РФ [7, с. 73], а решение этого вопроса зависит исключительно от законодателя. То есть деяние де-юре опасным становится только в результате его криминализации, во всяком случае, применительно к сфере экономической деятельности.

Заключение

Подводя итог, представляется важным подчеркнуть принципиальную необходимость соблюдения баланса между репрессивными и либеральными мерами в области уголовно-правовой политики [11, с. 207]. Поэтому вопросам декриминализации, как нам представляется, законодатель должен уделять больше внимания. На сегодняшний же день он занят преимущественно вопросами криминализации. И об этом явно свидетельствует характер

изменений, которые были внесены в УК РФ в целом и в части регулирования ответственности за преступления в сфере экономической деятельности: на 32 случая криминализации деяний в сфере экономической деятельности приходится лишь 5 случаев декриминализации. В связи с этим отечественный законодатель должен однозначно определиться с уголовно-правовой политикой, в какую именно сторону он её развивает: в сторону ужесточения, в сторону либерализации, или же стремится балансировать уголовное законодательство в нынешнем виде. С учётом сказанного все же представляется важным обращать большее внимание на проблематику декриминализации, особенно с учётом возможности перевода отдельных преступных деяний в разряд административных правонарушений с соответствующими санкциями финансового характера.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 30 дек. 2021 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18-20 июня.; Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 1 (ч. I). – Ст. 68.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. (с изм. и доп. от 30 дек. 2021 г.) // Рос. газ. – 2001. – 31 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 1 (ч. I). – Ст. 37.
3. Вестов Ф. А., Шамьенов Н. Р. Перспективы декриминализации преступлений субъектов экономической деятельности // Эксперт: теория и практика. 2021. № 4(13). С. 46–51.
4. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть // Lex Russica. 2014. № 12. С. 1399–1410.

5. Кибальник А. Г. Уголовный кодекс РФ: двенадцатый год деградации // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 40–41.
6. Кулешов Ю. И., Быков А. В. Некоторые тенденции декриминализации деяний в сфере экономической деятельности // Вестник Югорского государственного университета. 2018. № 2(49). С. 64–70.
7. Маслов В. А. Общественная опасность деяния как основание криминализации (декриминализации) // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 71–85.
8. Плаксина Т. А. Проблемы современной уголовно-правовой политики // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 1. С. 22–25.
9. Постанюк В. Д. К проблеме декриминализации ответственности за преступления экономического характера // Евразийская адвокатура. 2019. № 2(39). С. 71–73.
10. Рассоха Е. А. Декриминализация экономических преступлений как тенденция законодательства // Colloquium-Journal. 2020. № 9-9(61). С. 38–41.
11. Самаруха В. И., Самаруха А. В., Самаруха И. В. Проблемы противодействия налоговым преступлениям // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 2. С. 199-210.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63 FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 30 dek. 2021 g.) // Ros. gaz. – 1996. – 18-20 iyun.; Sobr. Zakonodatel`stva Ros. Federacii. – 2022. – № 1 (ch. I). – St. 68.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 20 dekabrya 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 26 dekabrya

2001 g. (s izm. i dop. ot 30 dek. 2021 g.) // Ros. gaz. – 2001. – 31 dek.; Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. – 2022. – № 1 (ch. I). – St. 37.

3. Vestov F. A., Sham`enov N. R. Perspektivy` dekriminalizacii prestuplenij sub`ektov e`konomicheskoy deyatel`nosti // E`kspert: teoriya i praktika. 2021. № 4(13). S. 46–51.

4. Golik Yu. V., Korobeev A. I. Reforma ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii: by`t ili ne by`t // Lex Russica. 2014. № 12. S. 1399–1410.

5. Kibal`nik A. G. Ugolovny`j kodeks RF: dvenadczaty`j god degradacii // Biblioteka kriminalista. 2013. № 3. S. 40–41.

6. Kuleshov Yu. I., By`kov A. V. Nekotory`e tendencii dekriminalizacii deyanij v sfere e`konomicheskoy deyatel`nosti // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2(49). S. 64–70.

7. Maslov V. A. Obshhestvennaya opasnost` deyaniya kak osnovanie kriminalizacii (dekriminalizacii) // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2022. № 3. S. 71–85.

8. Plaksina T. A. Problemy` sovremennoj ugolovno-pravovoj politiki // Grazhdanskoe obshhestvo i pravovoe gosudarstvo. 2015. T. 1. S. 22–25.

9. Postanyuk V. D. K probleme dekriminalizacii otvetstvennosti za prestupleniya e`konomicheskogo xaraktera // Evrazijskaya advokatura. 2019. № 2(39). S. 71–73.

10. Rassoza E. A. Dekriminalizaciya e`konomicheskix prestuplenij kak tendenciya zakonotvorchestva // Colloquium-Journal. 2020. № 9-9(61). S. 38–41.

11. Samaruxa V. I., Samaruxa A. V., Samaruxa I. V. Problemy` protivodejstviya nalogovy`m prestupleniyam // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12, № 2. S. 199-210.

Научная статья

УДК 343.36

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Вестов Федор Александрович, к.ю.н., доцент, профессор кафедры
уголовного, экологического права и криминологии юридического
факультета Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н.Г.Чернышевского, Саратов, Россия,
achgunov1978@yandex.ru**

Аннотация

Анализируемая в настоящей статье фальсификация доказательств и результатов ОРД является серьезнейшим преступлением, нацеленным не только против правосудия, но и против государства в целом, поскольку подрывает авторитет государственной власти. Российский законодатель, предусматривая уголовную ответственность за данное деяние в ст. 303 УК РФ, по мнению автора, недооценивает опасность и характер такого деяния и статья посвящена именно этой проблеме. Автором рассматриваются основные положения ст. 303 УК РФ, раскрываются понятия доказательств (в контексте уголовного процесса) и результатов ОРД. Затрагивается проблема ошибочной квалификации преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, выделяются предпосылки ошибок. В контексте рассмотрения вопроса наказаний автор обосновывает позицию, что установленные в настоящее время размеры санкции не являются обоснованными. Анализируя законопроект о внесении изменений в указанную статью, отклоненный в 2023 г., автор даёт ему положительную оценку и рассматривает мнения по этому вопросу представителей адвокатского сообщества. В итоге делается вывод о целесообразности усиления уголовной ответственности по ст. 303 УК РФ и введении наказаний, соразмерных тем наказаниям, которые были назначены (могли быть назначены) потерпевшим по делам, содержащим фальсифицированные доказательства или результаты ОРД.

Ключевые слова: должностные преступления, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, преступления против правосудия, уголовная ответственность, уголовный процесс, фальсификация доказательств, фальсификация результатов оперативно-розыскных мероприятий

Статья поступила в редакцию 16.06.2025, одобрена после рецензирования 12.08.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION OF RESPONSIBILITY FOR FALSIFICATION OF EVIDENCE AND RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Vestov Fedor Aleksandrovich, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal, Environmental Law and Criminology, Law Faculty, Saratov State National Research University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Abstract

The falsification of evidence and the results of the ARD analyzed in this article is a serious crime aimed not only against justice, but also against the state as a whole, since it undermines the authority of state power. The Russian legislator, by providing for criminal liability for this act in Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the author's opinion, underestimates the danger and nature of such an act, and the article is devoted specifically to this problem. The author examines the main provisions of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, discloses the concepts of evidence (in the context of a criminal trial) and the results of an ARD. The problem of the erroneous qualification of crimes provided for in Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation is touched upon, and the prerequisites for errors are highlighted. In the context of considering the issue of punishments, the author substantiates the position that the currently established size of

the sanction is not justified. Analyzing the draft law on amendments to this article, rejected in 2023, the author gives it a positive assessment and considers the opinions of representatives of the legal community on this issue. As a result, it is concluded that it is advisable to strengthen criminal liability under art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the introduction of punishments commensurate with the punishments that were imposed (could have been imposed) on victims in cases containing falsified evidence or the results of an ARD.

Keywords: official offenses, operational investigative activities, operational investigative measures, crimes against justice, criminal liability, criminal procedure, falsification of evidence, falsification of the results of operational investigative measures

Введение

Понимание фальсификации доказательств как искажения фактической информации [11], применимое как в отношении доказательств, так и в отношении результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД), а также смежные вопросы можно отнести актуальнейшей проблеме современного отечественного права в целом и уголовного права в частности. В этой связи фальсификация доказательств и результатов ОРД может быть причислена к категории наиболее опасных преступлений, которые наносят вред системе правосудия [8, с. 91; 9, с. 58]. Более того, они относят вред и в целом государству ввиду подрыва авторитета одного из ключевых государственно-властных институтов, коим является судебная система. Причем данная проблематика определенно усугубляется латентностью данного преступного деяния.

Основная часть

Особая значимость норм об ответственности за фальсификацию представляемых суду доказательств, независимо от того, в рамках какого судопроизводства происходит такая фальсификация, обусловлена, прежде всего, конституционным статусом права каждого на судебную защиту, которое

гарантировано в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ [1] и должно исключать, согласно ч. 2 ст. 50, использование незаконно полученных доказательств.

Рассматривая проблематику фальсификации, обратимся в первую очередь к нормам Уголовного кодекса РФ [2] (УК РФ), ст. 303 которого содержит нормы о четырех составах преступления:

1. Фальсификация доказательств в рамках гражданского, административного или дела об административном правонарушении.

2. Фальсификация доказательств в рамках уголовного дела.

3. Фальсификация доказательств в рамках уголовного дела о тяжком или особо тяжком преступлении, или повлекшая тяжкие последствия.

4. Фальсификация результатов ОРД в целях уголовного преследования заведомо не причастного к преступлению либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Представленный подход к выделению 4-х составов преступлений, связанных с фальсификацией, с нашей точки зрения, обоснован, поскольку в данном случае учитывается тяжесть последствий, которые влечёт для потерпевшего каждый из указанных случаев фальсификации.

Здесь также подчеркнем факт введения ч. 4 в ст. 303 в УК РФ лишь в 2012 г. Ранее же фальсификация результатов ОРД в числе составов преступлений не отсутствовала, что даёт возможность сделать вывод о недостаточно ответственном отношении отечественного законодателя к регулированию ответственности за преступления против правосудия. В то же время сам факт внесения указанной нормы в ст. 303, пусть и запоздалый, следует расценить положительно.

В контексте позитивной оценки указанных изменений П. С. Метельский подчеркнул их логическую обоснованность, указывая на практику использования сфабрикованных материалов ОРД в качестве основы доказывания виновности лиц, де-факто не причастных к преступлению [10, с. 153]. При этом не имеет особого значения тот факт, что сами по себе полученные в рамках ОРД

материалы еще не имеют доказательственной силы и для придания им таковой необходимо принятие соответствующего обоснованного и задокументированного процессуального решения, ведь ч. 1 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] (Закон об ОРД) позволяет использование результатов ОРД, в частности, при производстве следственных действий.

Изложенное означает, что, например, сфабрикованные преступным путем материалы ОРД могут стать основой для производства формально законных следственных действий, в рамках которых будут получены опять же формально законные доказательства. В этой связи даже не используемые в качестве основы обвинения материалы ОРД, полученные незаконно, тоже могут стать предпосылкой для уголовного преследования гражданина, де-факто не причастного к преступлению. Поэтому вряд ли могут быть какие-то сомнения обоснованности рассматриваемых изменений ст. 303 УК РФ.

Если опираться на доктрину российского уголовного права, то можно выделить 4 элемента, на базе которых складывается состав преступления:

1. Объект.
2. Объективная сторона.
3. Субъект.
4. Субъективная сторона [8, с. 89].

Однако, рассмотрение каждого из этих аспектов применительно к каждой из 4-х частей ст. 303 УК РФ не представляется целесообразным, поэтому затронуты будут лишь некоторые вопросы, которые отражают регулирование ответственности в рамках ст. 303 УК РФ, носящие наиболее проблемный характер.

Итак, объективную сторону в данном случае составляют деяния, прежде всего, действия по фальсификации доказательств или результатов ОРД. В этой связи следует уточнить содержание данных понятий.

Так, результатами ОРД, исходя из п. 36.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3] (УПК РФ), являются полученные согласно Закону об ОРД сведения:

1. О признаках преступления.
2. О причастных к преступлению лицах

Таким образом, фальсификация сведений, которые относятся к указанным категориям, способна при определённых действиях со стороны следственных органов повлечь незаконное уголовное преследование гражданина.

Причём, учитывая упрощённый порядок юридического оформления результатов ОРД (в сравнении с порядком оформления доказательств), можно полагать, что их фальсифицировать существенно проще, чем доказательства; но и результаты ОРД могут получить силу доказательств.

Доказательствами в рамках уголовного процесса, согласно ч.ч. 1 и 2 ст. 74 УПК РФ, выступают любые сведения, позволяющие устанавливать наличие или отсутствие значимых для уголовного дела обстоятельств, в том числе:

1. Показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля.
2. Заключение и показания эксперта и специалиста.
3. Вещественные доказательства.
4. Протоколы следственных и судебных действий.
5. Прочие документы.

Соответственно, потенциально спектр сведений, которые могут быть фальсифицированы в смысле ст. 303 УК РФ, достаточно широк. Безусловно, каждый из потенциально фальсифицируемых объектов имеет свою специфику, которую нет необходимости в данном исследовании детально анализировать. Однако можно обратить внимание на некоторые проблемы, которые так или иначе, затрагивают всю сферу правоотношений, в рамках которых может иметь место фальсификация.

Среди главных проблем можно отметить недостатки самих положений ст. 303 УК РФ, и в числе этих недостатков, по мнению Ю. Н. Климовой,

выделяется отсутствие указания на признаки фальсификации доказательств, а представленные в материалах практики Верховного Суд РФ разъяснения по этому поводу носят разрозненный характер [9, с. 60].

Указанной проблемой во многом обуславливаются ошибки квалификации деяний в рамках ст. 303 УК РФ. Некоторые среди них можно выделить особо:

1. Ошибочные выводы об отсутствии состава преступления при его фактическом наличии применительно к конкретному деянию.

2. Ошибочное установление в деянии признаков фальсификации доказательств при их фактическом отсутствии [13, с. 196].

В этой связи Пленумом Верховного Суда РФ был дан ряд разъяснений, которые следует учитывать в целях избежания ошибок квалификации. Ключевая рекомендация состоит в необходимости учета особенностей доказывания, обусловленных различными видами судопроизводства – гражданского, административного, уголовного и пр. В то же время ответственность по ч. 3 ст. 303 УК РФ при наличии тяжких последствий фальсификации, при наличии к тому оснований, может наступать вне зависимости от вида судопроизводства [6]. В этой связи можно говорить о наличии особой проблематики применительно к фальсификации в рамках каждого из видов судопроизводства.

Если внимание акцентировать на фальсификации доказательств именно в рамках уголовного судопроизводства (ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ), то в целом имеющиеся проблемы можно связать со следующим:

1. С несовершенством положений ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ.

2. С ошибками квалификации, обусловленными несовершенством положений ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ.

3. С принадлежностью осуществляемых расследование должностных лиц и подозреваемых (обвиняемых) фактически к той же системе – правоохранительной.

4. С наличием уголовно-процессуального института особого производства, в рамках которого практически не обращается внимание на качество собираемых доказательств.

5. С наличием в правоприменительной практике разных подходов к квалификации рассматриваемых деяний [9, с. 59].

Следует сказать, что эти и другие проблемы в целом признаются законодателем и он предпринимает усилия, нацеленные на их искоренение. И одной из значимых попыток усовершенствовать рассматриваемое законодательство можно считать Законопроект № 990766-7 [5], который был отклонён в апреле 2023 г. Не взирая на это, он заслуживает особого внимания, так его авторы предлагали существенно пересмотреть подходы к решению вопроса о наказаниях применительно к рассматриваемым преступлениям.

Основная суть данного законопроекта сводилась к тому, чтобы существенно усилить уголовную ответственность, в том числе ввести нижние пределы наказаний в виде лишения свободы, а также повысить верхние пределы, в частности, с 5 до 12 лет – по ч. 2 ст. 303, с 7 до 20 лет – по ч. 3, с 4 до 7 лет – по ч. 4. Соответственно, речь шла также об изменении категории соответствующих преступлений на более тяжкую.

Мотивируя отклонение законопроекта, в официальном отзыве было указано, что в Пояснительной записке к законопроекту не представлены результаты научного анализа правоприменительной практики, статистические, иные объективные данные, которые позволили бы говорить о недостаточности мер наказания с точки зрения достижения целей Уголовного закона, предусмотренных в ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Возможно, такой аргумент можно бы было бы принять, однако. сторонники отклонения законопроекта не учли, например, принцип справедливости, положенный в основу уголовной ответственности, исходя из которого представляется очевидным также введение наказаний, соразмерных содеянному. Иными словами, если в результате умышленной фальсификации доказательств

или результатов ОРД гражданин привлекается к ответственности и получает наказание в виде 7 лет лишения свободы, то соразмерным и справедливым в таком случае вполне можно рассматривать аналогичное наказание на тот же срок. Но, видимо, законодатель придерживается иной позиции [5].

В адвокатском сообществе отношение к указанному Законопроекту в целом и к идее существенного ужесточения ответственности по рассматриваемым составам преступления весьма неоднозначно. Так, адвокат А. Ананьев подчеркнул латентность рассматриваемой категории преступлений, наличие круговой поруки и нежелание правоохранительных органов и судебной системы признавать факты фальсификации в качестве преступлений. Также адвокатом было отмечено, что в практике должностные лица, рассматривающие дела о фальсификациях, воспринимают соответствующие деяния в качестве незначительных проступков, которые совершаются для недопущения «развала» дел. В то же время данным адвокатом подчеркнута необходимость весьма строгого наказания рассматриваемые преступления, с учётом наличия множества примеров фабрикации дел [12].

Адвокат М. Никонов, критически расценивая указанный законопроект, подчеркнул несоразмерность предлагаемых им наказаний, поскольку санкций по разным частям ст. 303 УК РФ предлагалось довести до размера наказания за убийство [12]. И безусловно, такую критику можно считать состоятельной, но лишь отчасти. Ведь если брать во внимание тот факт, что в результате умышленной фальсификации и фактической фабрикацией обвинения граждане могут получать наказания вплоть до пожизненного лишения свободы, то установление аналогичных пределов наказаний виновным в фальсификации вряд ли можно поставить под сомнение с точки зрения обоснованности и справедливости.

Советник ФПА РФ Н. Гаспарян указанный законопроект оценил положительно, но не поддержал идею усиления ответственности для адвокатов

наравне со следователями и прокурорами [12], что представляется обоснованным.

Здесь нельзя не подчеркнуть также специфику субъектов, об уголовной ответственности которых идёт речь: в их качестве нередко выступают профессионалы, имеющие все возможности для эффективного противодействия расследованию фальсификации [7, с. 113]. Данный аспект тоже представляется важным учитывать при рассмотрении вопроса об установлении уголовных наказаний.

Заключение

Фальсификация доказательств и результатов ОРД является серьёзнейшим преступлением, которое пока, к сожалению, отечественный законодатель рассматривает не вполне последовательно, системно, справедливо. В современной правоприменительной практике пока не исключены случаи фальсификации доказательств и результатов ОРД, лежащие в основу государственного обвинения и влекущее привлечение невиновных лиц к уголовной ответственности. Размеры санкций в рамках ст. 303 УК РФ, нельзя назвать соразмерными содеянному, поскольку ответственность никоим образом не коррелирует с теми последствиями, которые возникают в результате незаконного осуждения. Например, гипотетически можно предположить, что в результате фальсификации тех или иных доказательств гражданин может быть осуждён на пожизненное лишение свободы, в то же время как виновное в этом лицо, фальсифицировавшее доказательства, будет приговорено лишь к нескольким годам лишения свободы.

В связи с изложенным представляется необходимым пересмотреть уголовно-правовую политику в части установления наказаний для деяний по ст. 303 УК РФ. Представляется целесообразным рассмотреть возможность установления таких пределов наказаний для виновного в фальсификации, которые будут соразмерны наказанию, назначенному потерпевшему (или которое потенциально могло быть назначено потерпевшему) в случае его неправомерного

осуждения. Такой подход представляется более справедливым и в полной мере отвечающим цели уголовно-правовой превенции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июл.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июн. 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июн. 1996 г. (с изм. и доп. от 4 авг. 2023 г.) // Рос. газ. 1996. 18-20 июн.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6145.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г. (с изм. и доп. от 4 авг. 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст.4921; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6145.
4. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г. (с изм. и доп. от 29 дек. 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349; 2023. № 1 (ч. I). Ст. 85.
5. О внесении изменений в статью 303 Уголовного кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности : законопроект № 990766-7 (отклонен) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/990766-7> (дата обращения: 02.06.2025).
6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда

Рос. Федерации от 28 июня. 2022 г. № 20 // Сайт Верховного Суда Рос. Федерации.
URL: <https://www.vsrfr.ru/files/31328/> (дата обращения: 02.06.2025).

7. Беляева Е. Р., Грибунов О. П. Характеристика личности оперативного сотрудника как субъекта, совершившего фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3(32). С. 111–114.

8. Бердников В. Л. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(100). С. 87–97.

9. Климова Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 58–66.

10. Метельский П. С. Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16, № 3. С. 146–156.

11. Мурзина А. А. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности: вопросы квалификации // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 9(43). С. 295–297.

12. Павлова З. Проблема существует // Официальный сайт ФПА РФ. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/problema-sushchestvuet/> (дата обращения: 02.06.2025).

13. Свиридов С. В. Квалификационные ошибки, выражающиеся в неверном установлении отсутствия или наличия в деянии признаков состава преступления, предусмотренного чч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 196–201.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.

2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 4 avg. 2023 g.) // Ros. gaz. 1996. 18-20 iyun.; Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2023. № 32 (ch. I). St. 6145.
3. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 noyab. 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 dek. 2001 g. (s izm. i dop. ot 4 avg. 2023 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2001. № 52 (ch. I). St.4921; 2023. № 32 (ch. I). St. 6145.
4. Ob operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti : feder. zakon ot 12 avg. 1995 g. № 144-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 noyab. 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 dek. 2001 g. (s izm. i dop. ot 29 dek. 2022 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 1995. № 33. St. 3349; 2023. № 1 (ch. I). St. 85.
5. O vnesenii izmenenij v stat`yu 303 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v chasti usileniya otvetstvennosti za fal`sifikaciyu dokazatel`stv i rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti : zakonoproekt № 990766-7 (otklonen) // Sistema obespecheniya zakonodatel`noj deyatel`nosti. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/990766-7> (data obrashheniya: 02.06.2025).
6. O nekotory`x voprosax sudebnoj praktiki po ugolovny`m delam o prestupleniyax protiv pravosudiya : postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Ros. Federacii ot 28 iyun. 2022 g. № 20 // Sajt Verxovnogo Suda Ros. Federacii. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/31328/> (data obrashheniya: 02.06.2025).
7. Belyaeva E. R., Gribunov O. P. Xarakteristika lichnosti operativnogo sotrudnika kak sub`ekta, sovershivshego fal`sifikaciyu rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 3(32). S. 111–114.

8. Berdnikov V. L. Sub`ektivnaya storona prestupleniya, predusmotrennogo st. 303 UK RF // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1(100). S. 87–97.
9. Klimova Yu. N. Fal`sifikaciya dokazatel`stv po ugolovnomu delu: osobennosti ob`ektivny`x i sub`ektivny`x priznakov // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2020. № 2(55). S. 58–66.
10. Metel`skij P. S. Ugolovnaya otvetstvennost` za fal`sifikaciju rezul`tatov operativno-razy`sknoj deyatel`nosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2019. T. 16, № 3. S. 146–156.
11. Murzina A. A. Fal`sifikaciya dokazatel`stv i rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: voprosy` kvalifikacii // Nauchny`j e`lektronny`j zhurnal Meridian. 2020. № 9(43). S. 295–297.
12. Pavlova Z. Problema sushhestvuet // Oficial`ny`j sajt FPA RF. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/problema-sushchestvuet/> (data obrashheniya: 02.06.2025).
13. Sviridov S. V. Kvalifikacionny`e oshibki, vy`razhayushhiesya v nevernom ustanovlenii otsutstviya ili nalichiya v deyanii priznakov sostava prestupleniya, predusmotrennogo chch. 2 i 3 st. 303 UK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 5. S. 196–201.

Научная статья

УДК 342.7:343

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ГРАЖДАН ПЕРЕД ЗАКОНОМ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

**Арчер Роберт Дж. Л., Ph.D., доцент кафедры уголовного правосудия,
Государственный университет Николса, Тибодо, Луизиана, США,
archerrjus@mail.ru**

Аннотация

В статье анализируется принцип равенства всех перед законом, обеспечиваемый в уголовном законодательстве, но имеющий общеправовой характер и заложенный ещё в нормах Конституции РФ. В статье кратко рассматривается содержание некоторых конституционных норм, предусматривающих принцип равенства. Далее главное внимание сосредоточено вокруг вопросов уголовно-правового спектра. Рассматриваемый принцип, невзирая на своё закрепление в Конституции и УК РФ, однако, реализуется с многочисленными изъятиями, примеры которых приводятся в статье. В целом многие исключения из рассматриваемого принципа и учёными, и автором статьи расцениваются как допустимые и логичные, однако в некоторых нюансах принцип равенства перед законом действует с чрезмерно широким кругом ограничений, особенно в случае реализации уголовной ответственности в отношении женщин. С учётом рассмотрения норм УК РФ и анализа научной литературы делается вывод об условности принципа равенства и уместности сохранения некоторых изъятий из данного принципа, а также о необходимости пересмотра исключений из данного принципа в сторону сужения их перечня и более последовательного соблюдения равенства.

Ключевые слова: конституционные права, неравенство, права человека, принцип равенства, принципы правосудия, равенство перед законом, уголовное право, Уголовный кодекс РФ

Статья поступила в редакцию 11.07.2025, одобрена после рецензирования 18.09.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF CITIZENS BEFORE THE LAW IN THE FIELD OF CRIMINAL LAW

**Robert J. L. Archer, Ph.D., Associate Professor of Criminal Justice, Nicholls
State University, Thibodaux, Louisiana, USA**

Abstract

The article analyzes the principle of equality of all before the law, provided in criminal legislation, but having a general legal character and laid down in the norms of the Constitution of the Russian Federation. The article briefly examines the content of some constitutional norms providing for the principle of equality. Further, the main focus is on issues of the criminal law spectrum. The principle under consideration, despite its consolidation in the Constitution and the Criminal Code of the Russian Federation, however, is implemented with numerous exceptions, examples of which are given in the article. In general, many exceptions to the principle under consideration are regarded by both scientists and the author of the article as acceptable and logical, however, in some nuances, the principle of equality before the law operates with an excessively wide range of restrictions, especially in the case of criminal liability against women. Taking into account the consideration of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the analysis of scientific literature, it is concluded that the principle of equality is conditional and that it is appropriate to preserve some exceptions to this principle, as well as the need to review exceptions to this principle in the direction of narrowing their list and more consistent observance of equality.

Keywords: constitutional rights, inequality, human rights, principle of equality, principles of justice, equality before the law, criminal law, Criminal Code of the Russian Federation

Введение

Вряд ли какой-то другой принцип является столь же значимым, как принцип равенство граждан перед законом. Однако не взирая на значимость данного принципа и обусловленной этим его изученность, многие нюансы, связанные с его пониманием, до настоящего времени являются спорными, что конечно же требует прояснения.

Актуальность указанного принципа в сфере уголовного права не вызывает сомнений, особенно если учитывать отдельные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ), в содержании которых очевидны существенные отклонения от данного принципа. Поэтому в свете обсуждения принципа равенства определённые нормы УК РФ не могут остаться без внимания, тем более что сам принцип равенства носит общеправовой характер, имеет статус конституционного и к его соблюдению следует относиться принципиально внимательно как в законодательном регулировании, так в практике применения законодательства и в научно-исследовательской деятельности.

Основная часть

Основной Закон Российской Федерации – Конституция [1] (Конституция РФ) выступает ключевым источником действующего законодательства, закрепляющим фиксирующим рассматриваемый принцип, причём как применительно к законодательству в целом, так и применительно к отдельным его отраслям. Поэтому следует прежде дать обзор основных конституционных норм, обеспечивающих равенство.

В ч. 2 ст. 6 Конституции РФ говорится о равных правах, свободах и обязанностях каждого гражданина. Безусловно, в этом контексте принцип равенства носит общеправовой характер и, без сомнения, распространяется на все сферы законодательного регулирования, среди которых и сфера уголовного права.

Ч 1. ст. 19 Конституции РФ провозглашает равенство всех перед законом и судом. Думается, что в данной формулировке принцип в целом идентичен принципу равенства всех перед законом. Указание на суд, как нам представляется, существенной роли в данном случае не играет, если учитывать то, что любой суд, действующий в рамках российской юрисдикции, руководствуется исключительно законодательством, перед которым, очевидно, все равны.

Ч. 2 ст. 19 Конституции РФ раскрывает суть равенства всех перед законом с точки зрения отдельных критериев, на основе которых потенциально может быть нарушено равенство. В этой связи половая принадлежность, расовая принадлежность, национальная, языковая принадлежность, происхождение человека, его имущественное, должностное положение, место жительства, убеждения, иные факторы, согласно указанной норме, не должны выступать основанием для нарушения равенства. Указанная норма устанавливает также запрет любых ограничений, исходя из перечисленных критериев. То есть любая дискриминация в этом смысле объявлена вне закона.

Мужчина и женщина тоже провозглашаются субъектами с равными правами, свободами, возможностями, согласно ч. 3 ст. 19 Конституции РФ.

Представленные нюансы, отражающие принцип равенства, в полной мере реализуются и в сфере уголовного права, как и в любой другой сфере. Однако, учитывая специфику уголовного права, вопросы равенства требуют особого внимания. Ст. 4 УК РФ в регулировании этого вопроса является ключевой и гласит следующее: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.»

То есть УК РФ, с точки зрения равенства, предусматривает практически те же критерии, которые не могут рассматриваться как основания для предпочтений в пользу тех или иных субъектов.

Более того, нарушение данного принципа, как в рамках уголовного права, так в рамках иных отраслей, при определённых условиях может повлечь уголовную ответственность. Согласно ст. 136 УК РФ, дискриминация, понимаемая как нарушение прав и законных интересов человека и гражданина в зависимости от определённых, перечисляемых в данной норме критериев, влечёт уголовную ответственность, если совершена с использованием служебного положения.

Признавая особую важность недискриминационности законодательства в целом и уголовного законодательства в частности, необходимо отметить, что определённые нормы, тем не менее, дискриминационный характер носили, а некоторые продолжают оставаться таковыми. В качестве яркого примера можно привести п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, предусматривавший с 2010 по 2023 гг. в качестве отягчающего наказание обстоятельства «совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел». Данное обстоятельство становилось предметом многих дискуссий, разворачивавшихся по поводу обсуждения принципа равенства всех перед законом, а также справедливости.

И надо сказать, что дискуссии разворачивались не на пустом месте, ведь речь шла о том, чтобы принадлежность гражданина к определённой категории лиц по профессиональному и должностному признаку рассматривать как основание признания наличия отягчающего обстоятельства. Конечно, с одной стороны может представляться нелогичным указанное решение. С другой стороны, учитывая достаточно широкие полномочия, в том числе полномочия силового характера, которыми наделяются сотрудники органов внутренних дел, решение о внесении указанного обстоятельства как отягчающегося в ч. 1 ст. 63 УК РФ, представляется аргументированным. На это указывают также другие авторы, в том числе Ю. С. Караваева, замечая, что даже совершение вне

служебной деятельности преступления сотрудником органов внутренних дел влечёт за собой подрыв авторитета соответствующих органов и государства, снижает доверие населения к государству и к правоохранительным органам [5, с. 284].

Если руководствоваться самим фактом подрыва авторитета, пусть даже потенциальным, то нельзя не учитывать данный аспект при установлении мер уголовной ответственности, что ещё раз подтверждает обоснованность дополнения спектра отягчающих обстоятельств рассматриваемым пунктом «о».

Однако в указанной норме вполне можно было усмотреть и некоторые признаки дискриминации, поскольку профессиональный, должностной аспект был положен в основу ужесточения наказания, и это стало основанием для исключения указанного пункта из УК РФ в 2023 г. [3]

Ю. С. Караваева, оценивая указанное положение закона, признает его дискриминационным, но не в той части, в какой оно берет за основу профессиональный или должностной признак, а в той, что на сотрудников иных правоохранительных органов соответствующее основание не распространялось. В связи с этим отягчающим обстоятельством была принадлежность лишь к органам внутренних дел, в то время, как и другие сотрудники правоохранительных органов зачастую тоже имеют сходные полномочия, возможности, ведут деятельность схожего характера. Исходя из этого, указанным автором в качестве более подходящей предлагается формулировка, где вместо указания на сотрудника органов внутренних дел имеется указание на сотрудника правоохранительного органа [5, с. 288].

А вообще вопросы дискриминационности положений УК РФ и, соответственно, проблемы обеспечения равенства граждан перед законом в контексте уголовной ответственности поднимаются в науке крайне часто. И многие исследователи указывают на фактическое отклонение УК РФ о формально декларируемого принципа равенства. Например, Р. А. Сабитов и Т. Р. Сабитов в своей статье оценивают дискриминационный характер отдельных

положений УКРФ с точки зрения дифференциации в зависимости от имущественного и должностного положения лиц [6].

Конечно, такая дискриминация в современных реалиях капиталистического строя и демократии представляется недопустимой. Здесь можно, наверное, провести какие-то параллели с советским правом, для которого дискриминация по признакам происхождения и (или) имущественного положения была уместна, особенно в первые годы советской власти, что обуславливалось сугубо классовым подходом к разрешению правовых и всех иных проблем государства и общества.

С учётом изложенного некоторые признаки дискриминации в этом плане можно расценить как некое советское наследие. Хотя, безусловно, оценка этого должна быть негативной.

Р. А. Сабитов и Т. Р. Сабитов в качестве пример дискриминации приводят ст.ст. 201 и 285 УК РФ, в которых за аналогичного характера деяния, повлёкшие тяжкие последствия, предусматриваются разные санкции применительно к субъектам, представляющим организации частного сектора и государственного или муниципального сектора. Помимо того, указанными авторами приводятся и другие примеры, на основании чего делается вывод о том, что гл. 23 УК РФ предусматривает более «льготные» санкции для соответствующих для субъектов преступлений, а для их «коллег», представляющих государственные и муниципальные организации – более суровые наказания [6, с. 71–72].

Применительно к рассмотренным и другим подобным случаям можно было бы признать нарушение принципа равенства перед законом, однако, позволим себе не согласиться с указанными авторами. Более жёсткий подход к уголовным наказаниям в отношении руководителей и вообще должностных лиц государственных и муниципальных структур нам представляется вполне обоснованным. Во-первых, совершая то или иное преступление, должностное лицо, представляющее орган власти, государственную или муниципальную организацию, подрывает авторитет государства и соответствующих

государственных институтов. Более того, речь может идти и о подрыве экономических основ государства. Очевидно, что косвенно от этого страдает и общество в целом. То есть последствия совершения преступления должностными лицами государственных и муниципальных организаций представляются более значимыми. Что же касается совершения преступления руководителем организации негосударственного, немunicipального сектора, то они, с нашей точки зрения, менее опасны, по крайней мере, в этом в таких случаях отсутствует подрыв государственного авторитета, дискредитация государственных институтов.

Так, если преступление совершено руководителем организации здравоохранения, находящейся в ведении государства, то, безусловно, имеет место подрыв всей системы здравоохранения, организуемой государством. В случае же совершения преступления лицом, представляющим коммерческую, негосударственную организацию, вряд ли уместно говорить о том, что подрывается авторитет государства и (или) конкретных государственных институтов.

С учётом сказанного можно считать ошибочным буквальное понимание принципа равенства. Анализируя данный вопрос, И. С. Семёнова ещё в 2004 г. подчёркивала, что принцип равенства следует понимать не фактически, как равенство фактическое, а именно как равенство возможностей, что означает отсутствие в нормах закона необоснованных льгот, привилегий, а также любых форм дискриминации [7, с. 9]. И принципиально важно отметить недопустимость именно необоснованных льгот; исходя из этого видения, обоснованные льготы и обоснованные привилегии, иные обоснованные особенности, отличия вполне допустимы.

В. Ю. Стельмах, рассматривая вопросы иммунитета от уголовного преследования, обосновывает их оправданность. [8]. Здесь надо уточнить, что вопросы иммунитета регламентируются в первую очередь процессуальным законодательством, и в этой связи от уголовного права мало что зависит. Однако

нельзя не признать, что иммунитет от уголовного преследования, обеспечиваемый уголовно-процессуальным законодательством, оказывает огромное влияние, в том числе и на сферу уголовного права. И учитывая действующий в отношении отдельных категорий лиц иммунитет от уголовного преследования, ни в коем случае нельзя называть принцип равенства, существующий в рамках уголовного права, абсолютным. Думается, что данный принцип относителен.

Д. Б. Дмитриев и О. Г. Донская особое внимание уделяют проблеме различий в отношении законодателя к вопросам уголовной ответственности мужчин и женщин, указывая на чрезмерно гуманное отношение законодателя именно к женщинам [4, с. 152]. Позволим себе согласиться с данной позицией, поддержать её.

Заключение

Принцип равенства перед законом, признаваемый общеправовым и реализуемый, в том числе в рамках уголовного права, предписывает не допускать предпочтений, предоставления преимуществ в чью-либо пользу на основании половых, расовых, национальных, языковых, социальных и иных подобных признаков.

Данный принцип не носит абсолютного характера, и из него есть масса исключений как в целом, так и применительно к возникающим в рамках уголовного права отношениям. Однако законодатель ни в УК РФ, ни в других источниках до сих пор не конкретизировал, что же следует понимать под принципом уголовного права и насколько широки могут быть исключения из него, поэтому данный вопрос требует уточнения.

В целом представляется, что исключения из принципа равенства, допускаемые в рамках уголовного права, должны быть минимальны и лишь в редких случаях, чего пока нельзя сказать, учитывая современное состояние Уголовного закона. Поэтому считаем, что изъять из данного принципа, который

в настоящее время законодатель предусматривает в отношении отдельных категорий лиц, чрезвычайно широки и требуют пересмотра.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 2020. 4 июл.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июн. 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июн. 1996 г. (с изм. и доп. от 23 мар. 2024 г.) // Рос. газ. 1996. 18-20 июн.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 13. Ст. 1687.
3. О признании утратившим силу пункта "о" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (об исключении из числа отягчающих наказание обстоятельств совершения преступления сотрудником органа внутренних дел): законопроект № 215274-8 // СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (дата обращения: 15.06.2025).
4. Дмитриев, Д. Б., Донская О. Г. Принцип равенства в уголовном праве России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 148–155.
5. Караваева Ю. С. О принципах равенства и справедливости в уголовном праве и особенностях современного уголовного законодательства в свете исключения пункта «о» из части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 3 (63). С. 282–291.
6. Сабитов Р. А., Сабитов Т. Р. О несоответствии некоторых норм УК РФ принципу равенства граждан перед законом независимо от имущественного и должностного положения // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 29. С. 69–74.
7. Семёнова И. С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 28 с.

8. Стельмах В. Ю. Признаки иммунитета от уголовного преследования и его виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 157–167.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 2020. 4 iyul.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 23 mar. 2024 g.) // Ros. gaz. 1996. 18-20 iyun.; Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2024. № 13. St. 1687.
3. O priznanii utrativshim silu punkta "o" chasti pervoj stat`i 63 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii (ob isklyuchenii iz chisla otyagchayushhix nakazanie obsoyatel`stv soversheniya prestupleniya sotrudnikom organa vnutrennix del): zakonoproekt № 215274-8 // SOZD. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (data obrashheniya: 15.06.2025).
4. Dmitriev, D. B., Donskaya O. G. Princip ravenstva v ugolovnom prave Rossii // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 3. S. 148–155.
5. Karavaeva Yu. S. O principax ravenstva i spravedlivosti v ugolovnom prave i osobennostyax sovremennogo ugolovnogo zakonotvorchestva v svete isklyucheniya punkta «o» iz chasti 1 stat`i 63 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Penitenciarnaya nauka. 2023. T. 17, № 3 (63). S. 282–291.
6. Sabitov R. A., Sabitov T. R. O nesootvetstvii nekotory`x norm UK RF principu ravenstva grazhdan pred zakonom nezavisimo ot imushhestvennogo i dolzhnostnogo polozheniya // Vestnik YuUrGU. 2012. № 29. S. 69–74.
7. Semyonova I. S. Princip ravenstva pred zakonom v ugolovnom prave Rossijskoj Federacii: avtoref. ... dis. kand. yurid. nauk. Saratov, 2004. 28 s.

8. Stel'max V. Yu. Priznaki immuniteta ot ugovnogo presledovaniya i ego vidy`
// Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 1(93). S. 157–167.

Научная статья

УДК 343.24:343.611

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ И НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ УБИЙСТВА ПРИ НАЛИЧИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

**Запико Сара С., Ph.D., доцент, Технологический институт Нью-Джерси,
jdenoncourt_trent@bk.ru**

Аннотация

В данной статье затрагивается один из фундаментальных вопросов отечественного права в целом и уголовного права в частности, а именно вопрос соблюдения принципа справедливости, но применительно к регулированию уголовной ответственности за квалифицированные виды убийства. Автор обосновывается конституционное значение данного принципа, анализируется его содержание на базе уголовно-правовых норм; даётся характеристика убийства, в том числе квалифицированного, с точки зрения общественной опасности; обосновывается особая важность соблюдения принципа справедливости при реализации уголовной ответственности за столь тяжкое преступление ввиду посягательства на самую значимую ценность – жизнь человека. В центре внимания автора находятся несколько спорных вопросов, связанных с регулированием ответственности. Автор критически оценивает созданную законодателем возможность назначения за квалифицированные виды убийства наказаний, менее строгих, нежели за имущественные преступления. Указывает на ярко выраженный гендерный подход в регулировании уголовной ответственности. В ходе подведения итогов высказываются рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства в части назначения наказаний в соответствии с принципом справедливости. В частности, предлагается законодательно обеспечить соразмерность наказаний содеянному, а также отказаться от гендерного подхода, противоречащего принципам справедливости и равенства.

Ключевые слова: квалифицированное убийство, лишение свободы, наказание за убийство, пожизненное лишение свободы, принцип равенства, принцип справедливости, смертная казнь, УК РФ

Статья поступила в редакцию 30.05.2025, одобрена после рецензирования 26.07.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

ON THE ISSUE OF OBSERVING THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE ESTABLISHMENT AND IMPOSITION OF PUNISHMENT FOR MURDER IN THE PRESENCE OF QUALIFYING SIGNS

Zapico Sara C., Ph.D., Associate Professor, New Jersey Institute of Technology

Abstract

This article deals with one of the fundamental issues of domestic law in general and criminal law in particular, namely the issue of compliance with the principle of justice, but in relation to the regulation of criminal liability for qualified types of murder. The author substantiates the constitutional significance of this principle, analyzes its content on the basis of criminal law norms; characterizes murder, including qualified murder, from the point of view of public danger.; The author substantiates the special importance of observing the principle of justice in the implementation of criminal liability for such a serious crime due to the encroachment on the most significant value – human life. The author focuses on several controversial issues related to the regulation of liability. The author critically evaluates the opportunity created by the legislator to impose punishments for qualified types of murder that are less severe than for property crimes. It indicates a pronounced gender approach in the regulation of criminal liability. During the summing up, recommendations are made to improve criminal legislation in terms of sentencing in accordance with the principle of fairness. In particular, it is proposed to legislatively ensure that punishments are proportionate

to what they have done, as well as to abandon a gender approach that contradicts the principles of justice and equality.

Keywords: qualified murder, imprisonment, punishment for murder, life imprisonment, principle of equality, principle of justice, death penalty, Criminal Code of the Russian Federation

Введение

Одной из тех нравственных ценностей, важность сохранения которых не ставится и может быть поставлено под сомнение, выступает справедливость (принцип справедливости). Её роль в развитии общества и государства подчёркивается и в Основном Законе страны – Конституции РФ [1], и Уголовном кодексе РФ [2].

Несмотря на фундаментальный характер указанной ценности, вопрос трактовки понятия «справедливость» в целом, как и трактовки принципа справедливости применительно к уголовному законодательству, остаётся предметом дискуссий, которые имеют не только научное значение, но важны и с точки зрения совершенствования законодательного регулирования и решения проблем правоприменительной практики в сфере реализации уголовной ответственности.

Основная часть

Как отмечено выше, принцип справедливости имеет конституционное значение, что выражено, например, в преамбуле Конституции РФ. В конкретных конституционных нормах о принципе справедливости законодатель прямо не упоминает, но о признании важности рассматриваемого принципа с точки зрения авторов Конституции можно сделать вывод, исходя из содержания некоторых ее статей, имеющих прямое отношение к регулированию вопросов уголовной ответственности. Например, ч. 2 ст. 20 Конституции РФ допускает применение смертной казни на основании федерального закона в качестве исключительной меры наказания «за особо тяжкие преступления против жизни при

предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей». То есть в данном случае норма о допустимости применения самого сурового наказания лишь за особо тяжкие преступления прямо свидетельствуют о конституционном значении принципа справедливости.

В определённой мере принцип справедливости находит выражение и в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, запрещающей повторное осуждение за одно и то же преступление.

В УК РФ принципу справедливости посвящена ст. 6, согласно которой, данный принцип выражается в следующем:

1) в соответствии наказания и иных мер уголовно-правового характера, применяемые к совершившему преступление лицу:

- характеру и степени общественной опасности преступления;
- обстоятельствам совершения преступления;
- личности виновного.

2) в недопустимости несения уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление.

Таким образом, законодатель в рамках ст. 6 УК РФ постарался максимально чётко и лаконично описать принцип справедливости. В то же время указание на соответствие наказания определённым характеристикам деяния и личности преступника отражают определённую сложность его понимания. Поэтому, раскрывая данный принцип, нельзя не обратиться к некоторым нормам, конкретизирующим понятие преступления и классифицирующим его по характеру и тяжести.

В ст. 14 УК РФ преступление трактуется как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания. Причём исключаются из категории преступных те деяния, которые формально содержат определённые признаки преступлений, но ввиду малозначительности не представляют общественной опасности. Отсюда следует, что те правоограничения и лишения прав, которые реализуются в рамках

уголовной ответственности, обуславливаются именно общественной опасностью соответствующих деяний. Это, как нужно полагать, важнейший постулат принципа справедливости, реализуемый в рамках уголовно-правовых отношений. Иначе говоря, деяния, не несущие общественной опасности, не могут влечь столь серьёзных лишений (ограничения прав). В противном случае это было бы несправедливым, противоречило бы принципу справедливости.

Говоря о соответствии наказания характеру и степени общественной опасности деяния, необходимо обратиться к ст. 15 УК РФ, где выделяются четыре категории преступлений:

- 1) небольшой тяжести;
- 2) средней тяжести;
- 3) тяжкие;
- 4) особо тяжкие преступления.

Учитывая, что за квалифицированные виды убийства, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ, может быть назначено лишение свободы до 20 лет либо пожизненно, либо смертная казнь (фактически не применяется), то данные преступления являются особо тяжкими. Поэтому и в самом характере наказаний, предусмотренных за их совершение, видится определённая справедливость.

Обстоятельства совершения предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ преступления тоже учитываются: во-первых, непосредственно в конкретных пунктах ч. 2 ст. 105, ведь именно с учётом предусмотренных данной частью обстоятельств то или иное убийство признается квалифицированным с сопутствующим более строгим наказанием; во-вторых, в рамках отдельных норм УК РФ о назначении наказания, в частности, ст.ст. 60, 62, 63, предполагающих учет смягчающих, отягчающих и иных значимых обстоятельств.

Изложенные в целом отражает взгляд законодателя на обеспечение принципа справедливости. Однако, применительно к квалифицированным убийствам вопрос справедливости стоит особо остро, в том числе и ввиду того, что ввиду характер уголовно-правовой политики и правоприменительной

практики возникают определённые сомнения в том, действительно ли указанный принцип реализуется.

Например, УК РФ не содержит норм, которые бы обязывали суд учитывать мнение потерпевшей стороны при назначении меры наказания. Если же такое мнение закон требовал бы учитывать, то при назначении наказания за совершение убийства надлежало бы учитываться мнение родственников убитого или же выжившего потерпевшего (если имело место покушение на убийство).

Идеи о необходимости учёта мнения потерпевшей стороны высказываются и в научных трудах. Например, К. В. Калюжин при анализе данного вопроса предлагал дополнить ч. 3 ст. 60 УК РФ положением о необходимости учёта мнения потерпевшего в случае назначения наказания, у том числе применительно к реализации уголовной ответственности за совершение убийства [6, с. 10]. Данная идея, к сожалению, не получила практической реализации в нормах действующего уголовного законодательства.

Сами санкции, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ, тоже вызывают некоторые вопросы. Так, согласно указанной норме, за квалифицированные виды убийства может быть назначено одно из трех наказаний:

- 1) лишение свободы на срок от 8 до 20 лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет;
- 2) пожизненное лишение свободы;
- 3) смертная казнь.

Исходя из содержания данной нормы, например, за совершение убийства двух или более лиц субъекту преступления может быть назначено лишение свободы на срок, например, 8 лет (минимально возможный срок) или даже менее (так, в описанном пресс-службой Прокуратуры Иркутской области случае гражданину за убийство двух человек назначили наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет [5]).

В то же время ст. 158 УК РФ за совершение кражи, пусть и в особо крупном размере, устанавливает возможность назначения наказания до 10 лет лишения

свободы. То есть становится очевидным, что в определённых случаях кража имущества расценивается законодателем как более опасное деяние, нежели причинение умышленное причинение смерти человеку или даже большему числу лиц. Вряд ли такой подход к регулированию уголовной ответственности можно считать соответствующим принципу справедливости.

Что касается смертной казни, то она де-факто не применяется ввиду действующего моратория [3, 4], что тоже является предметом многочисленных дискуссий и в научном, и в политическом русле, в высших органах власти, прежде всего, законодательных. И несмотря на сохранение Россией прежнего курса в плане правового развития, высказывается много мнений в обоснование целесообразности возвращения практики назначения смертной казни за отдельные случаи совершения особо тяжких преступлений, в том числе убийства [6, с. 10].

Другим обстоятельством, вызывающим определённые вопросы, является назначение одного наказания за совершение убийства как одного человека, так двух или более лиц, на что обращает внимание, в частности, Н. Н. Рогова, указывая при этом на возможность назначения пожизненного лишения свободы как максимально строгой меры уголовно-правового воздействия из числа предусмотренных законом и допускаемых к применению судебной практикой [8, с. 71].

То есть законодатель, с одной стороны, позволяет в определённых случаях (например, в случае множественного убийства) назначать максимально строгое наказание из предусмотренных уголовным законодательством, в то же время судам даётся определённая свобода в решении данного вопроса. В результате фактически может сложиться ситуация, когда за убийство одного лица наказание назначается более строгое, нежели за убийство двух или более лиц. Безусловно, суды учитывают все обстоятельства, однако, законодательно указанная ситуация не исключается, что, безусловно, не способствует законодательному

закреплению принципа справедливости во всех аспектах реализации уголовной ответственности за совершение квалифицированных убийств.

Исследуя вопросы справедливости в контексте реализации уголовной ответственности за совершение квалифицированных убийств, невозможно не обратить внимание на так называемый гендерный подход, практикуемый российским законодательством при регулировании уголовной ответственности. Указанный подход ярко выражен в ряде норм УК РФ, регламентирующих вопросы привлечения ответственности, особенно за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в чем нет никаких сомнений.

Во-первых, ч. 2 ст. 57 УК РФ исключает назначение женщинам пожизненного лишения свободы, как и лицам, чей возраст не достиг 18 лет (на момент совершения преступления) или достиг 65 лет (на момент вынесения приговора).

Во-вторых, в отношении женщин применяется более широкий перечень смягчающих обстоятельств, за счет п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ «беременность».

И если беременность вполне оправданно, с нашей точки зрения, рассматривается в качестве смягчающего обстоятельства, то касательно недопустимости назначения женщинам пожизненного лишения свободы вряд ли возможно усмотреть убедительно обоснование, особенно если имеет место умышленное совершение убийства двух или более лиц.

Примечательно, что убийство матерью новорождённого ребёнка законодателем признается в качестве менее тяжкого преступления и квалифицируется по самостоятельной ст. 106 УК РФ, в то время как п. «в» ч. 2 ст. 105 предусматривает ответственность за убийство «малолетнего или иного лица заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии...» как за квалифицированное убийство. В этом тоже усматривается определённый признак гендерного подхода, выражающегося в менее строгом менее строгой наказуемости преступлений, совершенных женщинами.

Гендерный подход при реализации ответственности за убийство проявляется не только в конкретных нормах уголовного законодательства, но и в судебной практике, которая характеризуется, в частности, назначением женщинам более мягких наказаний в сравнении с мужчинами, на что указывает, например, М. А. Лебедев [7]. Конечно же это нарушает не только принцип справедливости, но и принцип равенства граждан перед законом и судом, положенный в основу и уголовного законодательства, и российской правовой системы в целом.

Заключение

Проведённый анализ показал, что принцип справедливости применительно к регулированию ответственности за совершение квалифицированных видов убийства российским законодателем соблюдается не вполне последовательно. Судебная практика тоже этому способствует, во всяком случае, практика Конституционного Суда РФ, который правомочен давать оценку тех или иных норм с точки зрения их соответствия нормам Конституции.

Руководствуясь этим, считаем целесообразным пересмотреть подходы к обеспечению указанного принципа в рамках российского уголовного права. Во-первых, следует законодательно преобразовать порядок назначения уголовных наказаний, обеспечив реальный учет тяжести преступлений и назначение соразмерных содеянному наказаний, исключив при этом практику назначения за квалифицированные виды убийства менее строгих наказаний в сравнении с наказаниями за иные категории преступлений, не сопряженных с посягательствами на жизнь.

Во-вторых, необходимо пересмотреть сложившийся гендерный подход к регулированию порядка назначения наказаний, для чего исключить из УК РФ норму, не допускающую назначение женщинам пожизненного лишения свободы за совершение особо тяжких преступлений, в том числе квалифицированных убийств.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // СПС «КонсультантПлюс».
5. Ипполитова А. Россиянина за убийство двух мужчин в 1997 году посадили на 5 лет // Газета.ru. 24 мая 2023. URL:<https://www.gazeta.ru/social/news/2023/05/24/20507408.shtml> (30.07.2024).
6. Калюжин К. В. Восстановление социальной справедливости при назначении наказания за убийство (ст. 105 УК РФ): втореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 28 с.
7. Лебедев М. А. Влияние гендерного подхода во взаимосвязи с принципами справедливости, равенства граждан перед законом и гуманизма на пенализационную практику судов Российской Федерации. На примере части 1 статьи 105 УК РФ // Закон и право. 2019. № 7. С. 207–210.
8. Рогова Н. Н. Уголовная ответственность за квалифицированные виды убийства // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 7. С. 70–76.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // SPS «Konsul`tantPlyus».

2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 08.08.2024) // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.02.1999 № 3-P // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.11.2009 № 1344-O-R // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Ippolitova A. Rossiyanina za ubijstvo dvux muzhchin v 1997 godu posadili na 5 let // Gazeta.ru. 24 maya 2023. URL:<https://www.gazeta.ru/social/news/2023/05/24/20507408.shtml> (30.07.2024).
6. Kalyuzhin K. V. Vosstanovlenie social`noj spravedlivosti pri naznachenii nakazaniya za ubijstvo (st. 105 UK RF): vtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2013. 28 s.
7. Lebedev M. A. Vliyanie gendernogo podxoda vo vzaimosvyazi s principami spravedlivosti, ravenstva grazhdan pered zakonom i gumanizma na penalizacionnuyu praktiku sudov Rossijskoj Federacii. Na primere chasti 1 stat`i 105 UK RF // Zakon i pravo. 2019. № 7. S. 207–210.
8. Rogova N. N. Ugolovnaya otvetstvennost` za kvalificirovanny`e vidy` ubijstva // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 7. S. 70–76.

Научная статья

УДК 343.9

АЛКОГОЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБОСТРЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ

**Девлеминк Дэвид, Ph.D., Чунцинский университет, Чунцин, Китай,
devlemincqd_ch@bk.ru**

Аннотация

Затрагиваемая в статье тема касается сложнейшей проблемы российского общества – алкоголизации, которая рассматривается в контексте противодействия преступности и снижения криминогенной обстановки. Кратко представлен терминологический аспект алкоголизма и алкоголизации, из чего делается вывод о том, что в вопросах противодействия преступности более предпочтительным является использование понятия «алкоголизация» как более широкого, позволяющего учитывать в качестве криминогенного фактора и те случаи употребления алкоголя, когда алкогольная зависимость отсутствует, но имеет место алкогольное опьянение при совершении преступления. Приводятся статистические данные по России и отдельным регионам, характеризующие долю преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения и отражающие позиции соответствующих субъектов РФ в общем рейтинге преступности. На основе изучения статистических данных формулируется вывод о наличии некоторой взаимосвязи между уровнем преступности и фактами употребления алкоголя. Отмечен дискуссионный характер вопроса оценки алкогольного опьянения как обстоятельства, влияющего на квалификацию деяния и назначаемое наказание. Высказывается мнение о необходимости пересмотра подхода к оценке алкогольного опьянения как обстоятельства, учитываемого при назначении наказания.

Ключевые слова: алкоголизация населения, алкоголизм, бытовая преступность, общественная безопасность, предупреждение преступлений, противодействие преступности, профилактика преступности

Статья поступила в редакцию 20.06.2025, одобрена после рецензирования 16.08.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

ALCOHOLIZATION OF THE POPULATION AS A FACTOR OF AGGRAVATION OF THE CRIMINOGENIC SITUATION

David J Devlaeminck, Ph.D., Chongqing University, Chongqing, China

Abstract

The topic covered in the article concerns the most difficult problem of Russian society – alcoholism, which is considered in the context of crime prevention and reducing the criminogenic situation. The terminological aspect of alcoholism and alcoholization is briefly presented, from which it is concluded that in matters of combating crime, it is preferable to use the concept of "alcoholization" as a broader one, which allows taking into account as a criminogenic factor those cases of alcohol consumption when alcohol dependence is absent, but alcohol intoxication occurs during the commission of a crime. Statistical data for Russia and individual regions are presented, characterizing the proportion of crimes committed under the influence of alcohol and reflecting the positions of the relevant subjects of the Russian Federation in the overall crime rating. Based on the study of statistical data, it is concluded that there is some correlation between the crime rate and alcohol consumption. The debatable nature of the issue of assessing alcohol intoxication as a circumstance affecting the qualification of an act and the punishment imposed is noted. The opinion is expressed that it is necessary to revise the approach to assessing alcohol intoxication as a circumstance that is taken into account when sentencing.

Keywords: alcoholization of the population, alcoholism, domestic crime, public safety, crime prevention, crime prevention

Введение

Эффективное противодействие преступности и снижение криминогенности обстановки в российском обществе относится к важнейшим задачам российских органов власти, прежде всего, правоохранительных. Значимость данной задачи, с одной стороны, опосредуется необходимостью развития России как правового государства и поддержания (обеспечения) законности в нем; с другой стороны, наличием конкретных проблем, выражаемых в достаточно высоком уровне преступности.

О важной роли противодействия преступности свидетельствует и наличие специально принятого Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1] (Федеральный закон № 182-ФЗ). В ст. 6 указанного закона в качестве одного из направлений профилактической работы выделяется выявление, оценка и прогнозирование криминогенных факторов социального характера. Этим обосновывается интерес к анализу алкоголизации населения как одного из ключевых криминогенных факторов.

Основная часть

В рамках исследования проблемы алкоголизации первоначально важно решить терминологический вопрос, для чего обратимся к нормативной трактовке понятия «алкоголизм». В Приказе Минздрава РФ от 28.04.1998 № 140 [3] под алкоголизмом понимается зависимость от алкоголя. Причём она подразделяется по стадиям, фазам, периодам, которые в целом отражают состояние зависимого от алкоголя человека с точки зрения наличия соответствующей симптоматики (признаков).

Учитывая, что алкоголизм есть медицински диагностируемое заболевание, говорить о его наличии де-юре уместно только при наличии надлежащим образом оформленного диагноза. И совершенно очевидно, что не у всех лиц, у которых присутствуют признаки алкоголизма, имеется медицински установленный диагноз. Поэтому рассмотрение алкоголизма как

криминогенного фактора позволяет охватить относительно узкий сегмент общества. В этом смысле термин «алкоголизация» представляется более подходящим ввиду того, что им может быть охвачена не только часть общества, наличие алкоголизма у которой зафиксирована, но и общество в целом, ведь алкоголизация, как социальное явление, носит всеобъемлющий характер.

Подтверждая изложенное, можно подчеркнуть возможность рассмотрения алкоголизации как любого употребления алкоголя, вне зависимости от количественных и прочих характеристик этого процесса (явления). Помимо того, алкоголизация может трактоваться и как распространение алкоголизма [4, с. 3].

Представленное мнение базируется на том, что с точки зрения влияния на криминогенность значение имеет любое употребление алкоголя. Об этом свидетельствует и статистика, в рамках которой ведётся отдельный учёт преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения [7]. Очевидно, что соответствующие данные учитывают, в том числе, и факты совершения преступления теми лицами, которые не страдают алкогольной зависимостью, не состоят на учете с заболеванием «алкоголизм», но совершили преступное деяние в состоянии опьянения.

В Концепции общественной безопасности [2] проблематике алкоголизации уделено немного внимания. Но и единичного упоминания данной проблемы в указанном документе имеет немаловажное значение с точки зрения оценки её роли как фактор преступности. В п. 13 данной Концепции подчёркивается, что именно в состоянии опьянения (как наркотического, так и алкогольного) совершается значительное количество преступлений. При этом указывается на массовое злоупотребление алкоголем. И это даёт вполне весомые основания для самостоятельного выделения алкоголизации в системе факторов, способствующих обострению криминогенной ситуации в России.

Более наглядным и убедительным подтверждением особой значимости алкоголизации как фактора обострения криминогенной обстановки являются статистические данные о состоянии преступности, представленные МВД России

за 2023 год. Согласно им, в состоянии алкогольного опьянения совершается порядка 22,4% преступлений [7]. То есть почти каждое четверное преступление детерминировано фактором алкоголизации, что не может не вызывать крайнюю обеспокоенность.

Указанная проблема алкоголизации и сама роль употребления алкоголя в системе факторов, обостряющих криминогенную ситуацию, является не столь однозначной, какой может показаться на первый взгляд, ведь в России имеет место весьма существенная дифференциация регионов по самым разным характеристикам, в том числе по:

- количеству употребляемого алкоголя на душу населения;
- количеству совершаемых преступлений, в том числе удельному;
- социально-экономическому развитию и пр.

Поэтому общих данных о доле преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, недостаточно для того, чтобы оценить исследуемую проблематику объективно. Для решения указанной задачи стоит обратиться к информации об уровне преступности в отдельных регионах, в том числе обусловленной употреблением алкоголя. Источниками этой информации послужили отчет МВД России о состоянии преступности в России за 2023 год, а также Рейтинг регионов по преступности, разработанный по итогам 2023 года специалистами ФГУП МИА «Россия сегодня». И далее представлен перечень регионов с наибольшим удельным весом преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, а в скобках отражено место соответствующего региона в упомянутом выше Рейтинге, где 1-е место занимает регион с минимальным количеством зарегистрированных на 10 тыс. жителей преступлений, а 85-е – с максимальным:

- Ненецкий АО – 46,8% (81-е место из 85),
- Тыва – 43,1% (58-е место),
- Чукотский АО – 42,7% (78-е место),
- Якутия – 39,4% (35-е место),

- Бурятия – 38,4% (79-е место),
- Коми – 37,3% (85-е место),
- Забайкальский край – 36,9% (74-е место) [7; 8].

Представленный выше перечень свидетельствует о том, что многие регионы, в которых отмечается максимально высокий уровень криминогенности, отличаются и максимально высокой долей преступлений, совершенных на почве алкогольного опьянения. О прямой корреляции здесь говорить не приходится хотя бы потому, что не все регионы, где отмечается максимально высокая доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, входят в число наиболее криминогенных регионов. Однако определённая взаимосвязь все же усматривается.

Отдельно следует сказать о проблеме криминогенных проявлений в среде несовершеннолетних граждан. Данная проблема тоже неоднозначно выражена в разных регионах России: в отдельных субъектах Российской Федерации уровень подростковой преступности существенно превосходит показатели, отражающие её состояние по России в целом. Так, среди субъектов, где наиболее высок уровень подростковой преступности, выделяется Забайкальский край. Данные, отражающие уровень преступности несовершеннолетних в этом регионе [7], свидетельствуют о том, что фактор алкоголизации находит проявление и среди подростков.

Исследование, проведённое докторами медицинских наук А. В. Сахаровым и Н. В. Говориным показало, что на территории Забайкальского края в подростковой среде алкоголизация затрагивает значительную часть несовершеннолетних. Среди подростков (юношей) в возрасте 15–16 лет абстинентами (т.е. не употребляющими алкоголь) оказались 65% обследованных участников, случайно пьющими – 21,6%, ситуационно пьющими – 8,6%, систематически пьющих – 4,1%. Более того, имели место и привычно пьющие – 0,6%. Среди девушек показатели были во многом аналогичные [5, с. 17], поэтому приводить их не будем. Однако и эти данные дают основания для того, чтобы

причислить к группе риска как минимум 4,1% подростков. Думается, что проблема должна вызвать особый интерес государства и тех руководителей, которые заняты разработкой политики в области противодействия преступности.

Конечно, в настоящее время государством предпринимаются весьма активные и, надо сказать, во многом эффективные меры, нацеленные на предупреждение алкоголизации населения как в целом, так в среде несовершеннолетних лиц. Однако статистические данные и результаты научных исследований, свидетельствующие об употреблении алкоголя среди этой категории населения, наводят на мысль о необходимости усиления мер противодействие этому социальному явлению, не только негативно влияющему на здоровье населения, но и обостряющему криминогенную ситуацию.

В литературе зачастую указывается на то, что в реальности проблема алкоголизации населения более остра, нежели это показывают статистические данные. И во многом этому есть объяснение, ведь если в целом имеет место снижение количества преступлений, то о снижении удельной доли преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, речь вряд ли может идти: этот показатель стабильно высок [6].

Изложенная ситуация порождает причины для пересмотра государственной политики в области противодействия преступности, обусловленной фактором алкоголизации, и в литературе на это обращается пристальное внимание. Например, К. П. Федякин и С. А. Галактионов указывают на целесообразность более последовательного подхода к решению проблемы уголовной ответственности за совершение преступлений рассматриваемой категории. Свою позицию они обосновывают тем, что зачастую такие преступления совершаются при использовании источников повышенной опасности, что сопряжено с большим количеством жертв [6]. В то же время многие преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, являются неосторожными, в связи с чем виновным назначаются относительно

мягкие наказания, и это вряд ли способствует предупреждению аналогичных деяний как со стороны самого осуждённого, так и со стороны других лиц.

Пересмотру сложившегося подхода к оценке преступлений, связанных с алкогольным опьянением, во многом препятствует дискуссия о том, как следует оценивать сам факт наличия алкогольного опьянения: в качестве смягчающего обстоятельства, отягчающего обстоятельства или нейтрального? Более того, однозначной оценке препятствует и тот факт, что не во всех случаях совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения или при наличии алкогольной зависимости именно употребление алкоголя является причиной преступления. Ведь нет сомнений, что в отдельных случаях наличие алкогольного опьянения или алкогольной зависимости может не играть никакой роли для совершения преступления [6].

Заключение

Алкоголизация населения, без сомнения, выступает значимым фактором, обостряющим криминогенную обстановку, в том числе и среди несовершеннолетних. Причем очевидно, что данный фактор влияет в первую очередь именно на уровень разного рода преступлений насильственного характера; что же касается интеллектуальной преступности, то данный фактор вряд ли способствует ей.

Российская политика в части противодействия алкоголизации, в том числе и в аспекте профилактики преступности, вызывает некоторые вопросы. Сам факт наличия алкогольного опьянения не признается отягчающим обстоятельством при квалификации деяния и назначении наказания. Более того, совершение неосторожных преступлений, сопряжённое с употреблением алкоголя, напротив, способствует назначению относительно мягких наказаний, и это никоим образом не позволяет эффективно профилировать такие преступления.

Учитывая изложенное, представляется важным принятие более радикальных мер, нацеленных на снижение алкоголизации как фактора, обостряющего криминогенную обстановку. Возможно, следует рассмотреть

вопрос о переоценке состояния алкогольного опьянения как обстоятельства, учитываемого при назначении наказания.

Список литературы

1. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Приказ Минздрава РФ от 28.04.1998 № 140 «Об утверждении Стандартов (моделей протоколов) диагностики и лечения наркологических больных» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Белова Ю. Ю. Процесс алкоголизации населения как угроза национальной безопасности России (на примере Республики Марий Эл): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2013. 26 с.
5. Сахаров А. В., Говорин Н. В. Изучение алкоголизации населения в забайкальском крае: основные результаты проведенных эпидемиологических исследований // Вопросы наркологии. 2020. № 11(194). С. 12–29.
6. Федякин К. П., Галактионов С. А. Уголовно-процессуальное доказывание и социальная обусловленность преступлений, совершенных в состоянии наркотического или алкогольного опьянения // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1, № 3(96). С. 263–270.
7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 03.06.2025).
8. Рейтинг регионов РФ по преступности – итоги 2023 года // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20240122/630256247.html> (дата обращения: 03.06.2025).

References

1. Federal'nyj zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ (red. ot 08.08.2024) «Ob osnovax sistemy` profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
2. Konceptiya obshhestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 14.11.2013 № Pr-2685) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
3. Prikaz Minzdrava RF ot 28.04.1998 № 140 «Ob utverzhdenii Standartov (modelej protokolov) diagnostiki i lecheniya narkologicheskix bol'ny'x» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
4. Belova Yu. Yu. Process alkogolizacii naseleniya kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii (na primere Respubliki Marij E'l): avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Saransk, 2013. 26 s.
5. Saxarov A. V., Govorin N. V. Izuchenie alkogolizacii naseleniya v zabajkal'skom krae: osnovny'e rezul'taty` provedenny'x e'pidemiologicheskix issledovanij // Voprosy` narkologii. 2020. № 11(194). S. 12–29.
6. Fedyakin K. P., Galaktionov S. A. Ugolovno-processual'noe dokazy`vanie i social'naya obuslovlennost` prestuplenij, sovershenny'x v sostoyanii narkoticheskogo ili alkogol'nogo op`yaneniya // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva. 2020. T. 1, № 3(96). S. 263–270.
7. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar` – dekabr` 2023 goda // Oficial'nyj sajt MVD Rossii. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/47055751/> (data obrashheniya: 03.06.2025).
8. Rejting regionov RF po prestupnosti – itogi 2023 goda // RIA Rejting. URL: <https://riarating.ru/infografika/20240122/630256247.html> (data obrashheniya: 03.06.2025).

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences	8
Xia I. CORRELATION BETWEEN THE CODE AND THE FEDERAL LAW: LEGAL-THEORETICAL ASPECT	8
Rogers M. OTECHESTVENNYJ OPYT RAZVITIJA RYNOCHNOJ EKONOMIKI V USLOVIJAH SOTSIALISTICHESKOGO ZAKOROOKLADOV V 1985-1991 GG: PRAVOVOJ ASPEKT [DOMESTIC EXPERIENCE OF MARKET ECONOMY DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF SOCIALIST LAW	
Prikhozhaya L.E. O PRICHINAKH PRAVOVOGO NIHILIZMA V MOLODEZHNOI SREDE V USLOVIYAKH PRAVOVOGO GOSUDARSTVA ON THE CAUSES OF LEGAL NIHILISM IN THE YOUTH.....	33
Primakov A.N. CORRELATION OF CONTROL AND SUPERVISION IN THE MODERN STATE-LEGAL DOCTRINE	44
Morgan S. PROBLEMS OF DOCTRINAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY "LAWFUL BEHAVIOR"	56
5.1.4. Criminal Law Sciences.....	67
Jesue L. ISSUES OF DECRIMINALIZATION OF CERTAIN CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY.....	67
Vestov F.A. PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION OF RESPONSIBILITY FOR FALSIFICATION OF EVIDENCE AND RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES.....	78
Archer Robert J.L. IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF CITIZENS BEFORE THE LAW IN CRIMINAL LAW.....	92
Zapiko S.S. ON THE ISSUE OF OBSERVING THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN ESTABLISHING AND ASSIGNING PUNISHMENT FOR COMMITTING MURDER IN THE PRESENCE OF QUALIFYING SIGNS	104
Devlemink D. ALCOHOLIZATION OF THE POPULATION AS A FACTOR OF AGGRAVATION OF THE CRIMINOGENIC SITUATION	115